

Алексей Елизеев

КАССЕТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Елисеев

Кассета

«Автор»

2026

Елисеев А.

Кассета / А. Елисеев — «Автор», 2026

«Кассета» — психологическая мистика о том, как чужое прошлое становится твоим настоящим. О границе между плёнкой и реальностью, которая однажды исчезает. И о человеке, который понял это слишком поздно.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кассета. Пролог	5
Кассета. Глава 1	10
Кассета. Глава 2	14
Кассета. Глава 3	18
Кассета. Глава 4	23
Кассета. Глава 5	28
Кассета. Глава 6	33
Кассета. Глава 7	37
Кассета. Глава 8	42
Кассета. Глава 9	47
Кассета. Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Елисеев

Кассета

Кассета. Пролог

Декабрь 1991 года.

Снег лежал не везде.

Лежал там, где ему дали. На покосившихся коньках частных крыш, на ржавых бочках с замёрзшей водой, на чугунной трубе радиозавода. Завод не работал уже год. Не дымил, не шумел — просто труба торчала. И снег на ней держался, потому что никто не сбивал.

Вдоль насыпи снег был серый от угольной пыли. Не белый. Не зимний. Уставший. Как будто климат сам решал, стоит ли стараться ради этой страны, и решил — не стоит.

Воздух. Сырой, подвальный. Пахло угольной гарью, кислым электролитом аккумуляторным и ещё кое-чем — тем, как пахнет в пустых погребах, в брошенных сараях, когда вещи начинают гнить, и никто им не мешает. Так пахло на всей воронежской окраине. Так пах конец эпохи. Люди ещё жили, готовили, ругались, засыпали под радио, но запах уже был — конец эпохи пах именно так.

Гирлянды кое-где висели до сих пор. Красные лампочки, зелёные. Почти не зажигали — электричество денег стоило. А денег не было. Совсем. Только у нескольких человек, чьи фамилии говорили шёпотом и без выражения. Новые. Они скупали цеха за копейки и перепродавали друг другу. Что с ними делать — не знали. Просто скупали.

Город затаился. Ждал. Ждал, когда кончится год. Кончится страна. Когда станет ясно — а что теперь-то? Это ожидание объединяло всех. Пенсионерку, которая пересчитывала пачку рублей, уже ни на что не годных. Директора завода, который подписывал приказ о своём же увольнении. Оно тряслось в трамваях. Сочилось из радиоточек, повторявших одно и то же, без конца: Союз Советских Социалистических Республик прекратил существование. Восьмое декабря. Беловежская пуща. Подписи. Всё.

А человек с камерой не ждал. Он шёл.

Улица называлась Кривая. Назвали так не за изгиб, хотя изгиб тоже был. Просто на этой улице всё шло криво. Постоянно. То пьяный забьёт собутыльника до смерти за бутылку «Столичной», а потом сидит на ступеньках и ждёт милицию. Не бежит. Потому что бежать некуда, да и незачем. То ребёнок пропадёт на три дня и найдётся в погребе — живой, но молчит, глаза взрослые, и страх в них недетский.

Человек с камерой знал Кривую. Он вообще много знал про этот район. Старый район, дореволюционный. Воронеж ещё не был центром Черноземья, когда эти дома строили. Он знал, где погреба. Знал, где подземные ходы от купеческих усадеб остались — мальчишкой лазил. Знал, где земля просела над старыми захоронениями. Он тут вырос. Хотя «вырос» неправильно. Пророс. Как сорняк через бетон. Сам не понимал, чем питался.

Камера — «Электроника ВМ-12», советская. Громоздкая, угловатая. Видоискатель потел на морозе, вечная проблема. Купил два года назад за три месячных зарплаты инженера с оборонного. Бешеные деньги по тем временам. Но не жалел. Работала. Аккумулятор только держал час, не больше. Поэтому он всегда таскал три запасных. Четвёртый оставлял дома, на зарядке. А сегодня взял все четыре. Сам не знал почему.

Шагал не спеша. Сапоги вдавливали снег до земли. Следы оставались — через полчаса заметёт, через час уже никто не отличит от обычных неровностей.

У крайнего дома на Кривой он остановился.

Старый дом, рубленый, почернел от сырости и времени. Два окна. В них свет — тусклый, жёлтый, дрожащий. Лампочка без абажура, голая. Такие лампочки только там, где люди уже не думают об уюте. О другом думают. Или ни о чём.

Человек с камерой поднял голову и долго смотрел на эти окна. Лицо — ничего. Не хмурился. Не улыбался. Смотрел, как смотрят на часы, когда сверяются с расписанием и видят, что всё идёт точно.

Он знал этот дом. Знал эту женщину. Он знал, что случится через сорок минут. Знал — и всё. Откуда — не спрашивал. Просто однажды начал знать. Что будет. Где. С кем. Не предчувствие. Не догадка. Знание. Ясное, как цифры на корпусе камеры. Несколько раз до этого он пробовал вмешаться, но быстро перестал. Потому что если ты знаешь — значит, так надо. Наверное.

Проверил аккумулятор. Зелёный загорелся ровно. Затянул ремешок на запястье туго, до белого следа на коже. Нажал запись. В углу видеоискателя замигала красная точка — ровно, методично, как пульс спокойного человека.

И замер.

За два часа до этого мужчина и женщина сидели на кухне и слушали радио.

Радио было старым, ламповым. «Рига-10». Рижский шильдик ещё родной, гордость советской промышленности. Её мать подарила на свадьбу. Мать умерла четыре года назад в больнице — болезнь с длинным названием, про которое врачи говорили долго, а смысл один: человек выгорел внутри, как лампочка накаливания. И всё.

Приёмник иногда цеплял две станции разом. Диктор из Москвы бубнил про Беловежские соглашения, и сквозь него лезла старая песня: «Люди встречаются, люди влюбляются...» Вместе они звучали дико. Глумливо даже: «...подписано соглашение о создании Содружества... люди встречаются... лидеры трёх республик... мне не везёт в этом, так что просто беда...»

Советского Союза больше не было. С восьмого декабря. Страна, в которой они родились, встретились, поженились и состарились к тридцати пяти годам, просто исчезла. Не проиграла войну. Не пережила революцию. Просто перестала — и всё. Никто вокруг не понимал, что делать. В этом непонимании было что-то почти религиозное: отменили реальность, а чем заменить, не сказали.

Женщина курила. Она всегда курила, когда нервничала. А нервничала с утра. Ей казалось — вместе со страной кончилось и её время. Молодость, надежды, право на будущее. Тридцать пять лет. Муж не работает. Завод встал в марте. Последнюю зарплату выдали бумажками на сахар. Сын живёт у свекрови, под Борисоглебском, потому что здесь кормить не на что. Денег нет. Вообще.

На столе стояли три кружки. Одну она машинально достала — для сына, — и тут же убрала в сушку. Привычка.

А по радио всё говорили «суверенитет» и «содружество». Будто это могло что-то изменить в её кухне. В её кастрюлях. В её бессоннице.

— Выключи, — сказала она.

Голос низкий, с хрипотцой. Табак выгрызал его десять лет, и получалось неплохо.

Муж не пошевелился. Сидел на табурете, руки положил на стол ладонями вниз, и смотрел в одну точку — туда, где обои отклеились треугольником и обнажили старую штукатурку, грязную и всю в рытвинах. Пил третий день. Не запой — на запой деньги нужны, — а что находилось в доме. Спирт разбавленный. Остатки портвейна. Бормотуха вчерашняя. Пил молча. Плановмерно. Не буянил. Не орал. Просто уходил в себя и не возвращался.

— Выключи, я сказала.

Молчание.

Она встала, перегнулась через стол, крутанула ручку. Динамик щёлкнул и затих. В тишине сразу стало слышно то, что обычно прячется: мышь под полом, ветер в дымоходе, и

ребёнок за стеной у соседей — плачет, не переставая, без истерики, монотонно, и от этого звука зубы сводит.

А потом — тихий, размеренный звук.

Тук-тук-тук.

Женщина обернулась. Сердце сжалось быстрее, чем она успела что-то подумать. Тело помнило то, чего она не знала.

— Кто там?

Ни звука.

Она подошла к двери в сени. Протянула руку, но пальцы замерли в сантиметре от замка. На секунду показалось: за дверью кто-то стоит. Не соседка. Не муж с работы. Не участковый. Другой кто-то. И ощущение от него было не зрительное, не слуховое — внутреннее. Звериное. Доисторическое. Как запах озона перед грозой.

Отпустило. Она открыла замок, потянула дверь. Сени пустые. Входная дверь приоткрыта на щель — неплотно заперли. Снаружи темень. Снег. На снегу никаких следов. Только собачьи.

— Показалось, — сказала она вслух.

Собачьи следы шли через двор и обрывались у сарая.

Она закрыла дверь и забыла запереть. Вернулась на кухню.

Муж сидел в той же позе. Но теперь в руках что-то сжимал. Она не сразу разглядела. Думала — кружка. Думала — стакан. Думала — что угодно, кроме этого.

Тяжёлый стеклянный пепельник. Гранёный. Край выщерблен. Куплен в универмаге летом восемьдесят пятого. Их первая совместная покупка.

Она помнила тот день. Поехали вдвоём, молодые, не уставшие ещё, не съеденные бездельем и бессонными ночами над кроватью. Он шутил. Она смеялась. Купили пепельник за три рубля сорок копеек и шторы в горошек. Шторы потом выщвели, три года назад выбросили. А пепельник остался.

Теперь он держал его и смотрел на неё.

— Ты чего? — спросила она.

И осознала: он впервые за три дня поднял глаза.

— Ты знаешь, чего.

Это был не вопрос.

Она молчала. Он смотрел. Тишина стояла такая, что она слышала, как скребётся мышь, как потрескивает остывающая печка, как ветер трогает отклеившийся угол обоев.

— Я всё знаю, — сказал он.

Голос трезвый. Вот что было страшнее всего. Трезвый голос.

— Что ты знаешь?

— Про тебя. Про него.

И назвал имя.

Обычное имя. Короткое. Таких в городе сотни. Но здесь, сейчас, под этой лампочкой, в этой стране, которая четыре дня как перестала быть, оно ударило как выстрел.

Она побледнела. Прямо физически: кровь ушла с лица, как вода из опрокинутого ведра. Осталась бледность нездоровая, серая, как у тех, кто за миг до конца понял: конец.

— Неправда.

— Правда.

— Ты пьян. Ты ничего не знаешь.

— Я три дня не пьян. Я пил, чтоб не думать. Но я думал. И теперь знаю.

Она хотела сказать — рот открылся, но звука не было. Воздух в кухне стал плотным, густым, как перед грозой. Даже радио, давно выключенное, вроде бы ещё вибрировало током.

Он встал.

— Я знаю. Всё.

Она попятилась. Он шагнул вперёд. Пепельник качнулся в руке, тяжёлый, гранёный, почти полкило.

— Тихо, — сказал он.

И всё.

Камера поймала движение в окне.

В видеоискателе окно превратилось в мутный прямоугольник, подсвеченный изнутри. По краям кадра контраст плыл, как всегда на такой оптике — «Электроника» звёзд с неба не хватала. Уличный фонарь давал красноватый блик в углу, и блик этот трясся.

Первая тень, слева. Женщина. Двигается резко, рывками. Пытается обойти стол, уйти к двери.

Вторая тень, мужская. Идёт не быстро. Но неотвратно. Как механизм. Заходит слева. Отрезает.

Видеоискатель дрогнул. Он поправил фокус. Руки спокойные.

Тени слились. Фокусировка сорвалась — автофокус взвизгнул, пытаясь уцепиться за резкость в темноте, и вернул картинку. Лампочка мотнулась: задела провод плечом или головой. Кадр пропал. Когда появился снова, тени уже разделились. Одна стояла. Вторая уходила вниз, медленно, как ткань сползает со стола.

Человек с камерой не отрывался от видеоискателя. Лицо не двигалось. Ни страха. Ни волнения. Ничего похожего на то, что испытал бы нормальный человек. Внимание. Просто внимание. Чистое, сфокусированное.

Свет погас.

Тишина. Потом дверь открылась.

На крыльцо вышел мужчина. Постоял, глядя в небо без звёзд. В правой руке всё ещё сжимал пепельник, теперь тёмный и мокрый, и с края свисало что-то тягучее. Посмотрел на него — будто видел впервые. Разжал пальцы. Стекло упало в снег глухо. Мужчина не оглянулся. Не побежал. Следы замечать не стал. Сошёл с крыльца и медленно двинулся в темноту — к сараям, к насыпи, туда, где кончалась Кривая и начиналось ничто.

Человек с камерой перевёл кадр.

Теперь в видеоискателе было окно кухни. Стекло затягивало изнутри, но не от тепла — кухня стыла. По стеклу ползло что-то тёмное. Не вода. Гуще. Медленнее. Ползло и оставляло за собой полосы, чёрные под фонарём.

Красная точка в видеоискателе погасла. Аккумулятор.

Он вытащил кассету. Извлёк аккумулятор, сунул в карман. Глянул на руки. Пальцы дрожали. Мелко-мелко. Единственное, что выдавало. Сжал кулак, спрятал в карман. И пошёл.

В милицию не пошёл. К соседям не стучал. Просто шёл домой, прижимая камеру к груди, как вещь, которую нельзя уронить.

Дома отмотал, проверил качество. Картинка — зерно, тени провалены, но там где надо — чётко. Звук с микрофона вышел даже лучше, чем он думал. Каждое слово ясно, как будто не через стекло писали.

Уже хотел убрать на полку. Но перемотал ещё раз. В том месте, где тени слились, динамики выдали низкий гул. Короткий, глухой. На границе слышимого. Он отмотал обратно. Прислушал. Гул был не с улицы. Микрофон взял его изнутри дома. На спектре это выглядело не как звук — как дрожание воздуха. Как стоячая волна в кухне.

Таких кассет было шесть. Стояли рядом, с надписями чёрным маркером.

Он достал маркер. На этикетке последней вывел аккуратно:

Декабрь 1991. Кривая. Копия. Не стирать.

Ниже дописал:

Резонанс зафиксирован.

За окнами валил снег. По радио передавали погоду. Завтра минус пятнадцать. Послезавтра новое правительство. Через месяц другая страна, другие деньги, другое время.

А пока — снег, радио, ночь.

Никто в Воронеже не знал, что в одном из домов на Кривой, на кухонном полу лежит женщина. И уже не встанет.

Кассета. Глава 1

Ноябрь 1998 года

Коробка появилась у двери между полуночью и семью утра.

Точнее он даже не знал во сколько они появились на пороге его салона. В двенадцать он запирали свой подвал и выходил покурить на ступеньку под козырёк. Обычно туда, где бетонный выступ нависал над входом, как надгробная плита, и где всегда пахло сыростью, даже в сухую погоду. И в тот момент никакой коробки не было. В семь он вернулся. Открыл замок и шагнул внутрь, а она стояла уже у порога, прямо на протёртом резиновом коврике с надписью «Добро пожаловать», которую он сто лет назад выменял у соседа-челнока на три бесплатных проката. Надпись почти стерлась, осталось только «...бро пожал...», что в темноте читалось как невнятное предупреждение.

Он поднял коробку с коврика. Обычная картонка из под импортного чая. Обычно такие продавались на центральном рынке, если знать у кого спрашивать. Внутри проложенные старыми газетами, лежали шесть видеокассет, они были без коробок и без обложек. Только на торце у каждой была маркировка цифрами от 1 до 6, выведенные чёрным маркером на торце каждой кассеты. Цифры написаны были почти каллиграфическим почерком, каким пишут люди, которым есть дело до мелочей. Маркер был не сегодняшним, может неделя, а может и две. Запах от коробки шёл слабый, едва уловимый: старые газеты, пыль и то, что он определил для себя как чужой подвал.

Почти. Он даже не удивился, в девяносто восьмом году люди таскали в видеосалоны всё подряд. Меняли кассеты на хлеб, сигареты и обещание записать свежий фильм с телека. Приносили свадебные записи, детские утренники, похороны, случайно снятое порно по спутниковому каналу, футбольные матчи. Так что в общем коробка оставленная у двери между ночью и утром, была обычным делом. Так он и подумал, поднимая её с коврика. В это можно было поверить.

Звали его Виктор, тридцать четыре года, рост выше среднего. Но из за привычки сутулиться, которая была выработана годами работы за прилавком, где всё время приходилось наклоняться к кассе и клиентам, он казался ниже себя самого сантиметров на пять. Лицо обычное, которые забывают через минуту после знакомства. Правильные формы лица, серые глаза, ранняя седина на висках, залысина, которую он пытался скрывать, зачёсывая волосы назад, но получалось плохо. Одевался в то, в то что и все одевались в девяносто восьмом. Джинсы, купленные ещё при Союзе, свитер крупной вязки с растянутым воротом, китайские кроссовки, источавшие резиновую вонь даже после года носки. Пах он сам смесью сигарет, растворимого кофе и того особого, неистребимого духа полуподвального помещения, который въедается в одежду и не выветривается ни на каком морозе.

Биография его была проста и не оставляла места для гордости. Родился в Воронеже. Закончил восемь классов и техникум по специальности «радиоаппаратостроение». С девяносто первого трудился на заводе «Электросигнал». Завод который производил радиостанции для армии. Работал наладчиком. Руки у него "золотые". Виктор мог перебрать любую схему с закрытыми глазами, чувствовал пайку пальцами, слышал неисправность раньше, чем по показаниям приборов. В девяносто первом его сократили, а вместе с ним и ещё двести человек. Завод остановился, заказы от Минобороны кончились, а тех, что ещё теплились, хватало на два цеха из семи. Виктор оказался на улице с трудовой книжкой в кармане и полугодовым запасом талонов на сахар, которые через месяц превратились в цветную бумагу.

Потом был год мелких заработков — ремонт телевизоров на дому, разгрузка фур, торговля сигаретами на рынке. Потом умерла мать, оставив ему комнату в коммуналке и полторы тысячи рублей на сберкнижке, которые он, к своему удивлению, сумел снять до того, как сго-

рели все. На эти деньги и ещё на триста долларов, занятых у бывшего сослуживца, ушедшего в челночный бизнес, он купил «Panasonic» и открыл салон.

Салон назывался «Орион». Название он придумал сам, в девяносто втором, когда казалось, что всё ещё может наладиться. «Орион» — это звучало красиво, по-западному, как что-то из кино про будущее. На деле это был полуподвал в доме дореволюционной постройки на окраине Воронежа, в районе, который даже местные называли «никуда не доедешь». Стены, крашенные в два цвета — зелёный снизу, белый сверху, — уже облупились и пошли пузырями. Ряд пластиковых стульев, собранных где попало. Телевизор «Рубин» с диагональю пятьдесят четыре сантиметра, дававший картинку с лёгким красноватым оттенком, который невозможно было убрать никакой настройкой.

Видеомагнитофон «Panasonic NV-SD200» — единственная по-настоящему ценная вещь, привезённая знакомым из Польши в девяносто втором. Афиша на стене — лист формата А3, на котором от руки выведено красным фломастером: «Терминатор-2. Судный день. Сеанс 19:00. Цена договорная». Под ней — ещё одна, постарше, с загнутыми углами и выцветшим текстом: «Основной инстинкт. Только для взрослых». И третья, почти нечитаемая: «Крепкий орешек-2. Возврат в новом качестве».

Зрители приходили в основном подростки. Платили кто сколько мог — мятыми рублями, сигаретами, иногда едой. Взрослые заглядывали редко: кто — по старой памяти, кто — из любопытства, кто — от безысходности, потому что идти больше некуда, а сидеть в пустой квартире невыносимо. Дело не шло. Бизнес умирал. Как умирало всё вокруг, и сам Виктор не мог сказать с уверенностью, когда именно начался этот процесс — то ли в девяносто первом вместе с заводом, то ли ещё раньше, то ли он вообще никогда не заканчивался, просто раньше у него не было времени заметить это.

Он занес коробку внутрь и поставил на прилавок. Это был не прилавок, а обычный старый кухонный стол, прикрытый куском ДСП. Виктор занялся обычной рутинной, включил обогреватель, заварил кофе в кружке с отбитой ручкой, проверил кассеты, оставленные на перезапись. Копия «Титаника» в одноголосой озвучке, одна копия «Сияния» и новый фильм, который набирал интерес «Час пик». Аппаратура у Виктора всегда работала стабильно, без нареканий. А в салоне пахло пылью и старым дерматинном.

Он направился к окну. Отдернул шторы. За грязным стеклом лежала ноябрьская улица. Свинцовое небо и мокрый асфальт. Трамвайные пути, которые блестели от дождя. Огромные тополя вдоль железнодорожной линии. И маленький киоск с вывеской «24 часа», на которой давно уже не горела подсветка. Прохожих вокруг почти не было. Только старуха с авоськой и двое мужиков у ларька. И собака, деловито бегущая куда то по своим делам.

Виктор долго стоял и смотрел на улицу. В глубине него, где то под рёбрами, затаилось то, что он давно перестал называть тревогой, уж слишком громкое слово для постоянного и привычного ощущения, что жизнь проходит мимо, не задевая его. Сын с бывшей женой живут в Северном районе. Сыну было уже двенадцать лет. Они виделись раз в месяц и то если повезёт. Алименты Виктор платил нерегулярно и не потому что не хотел, а потому что не с чего.

Он вставил её в видеоплеер. Он отогнал мысль о сыне и вернулся к прилавку. Открыл коробку и достал первую кассету. На торце чёрным маркером была выведена цифра «1». Больше никаких пометок не было. Никаких опознавательных знаков. Старая, но в целом ухоженная кассета VHS без коробки. Он покрутил её в руках и ничего особенного не заметил. Таких кассет через его руки проходили сотни.

Телевизор включился, экран замерцал синим, потом пошла рябь. Кассета была не новая, запись начиналась не с первого раза. Затем изображение наладилось.

Сарафан голубой, в белый горошек. Это была любительская запись. Дача. Вернее, это был частный дом, деревянный, старый, с резными наличниками, крашенными в белый, которые по краям уже начали лопаться. Большой двор, лето и судя по солнечному свету, это был июль

или ранний август. Яблони с мелкими зелёными плодами, кусты смородины у забора, сетка рабица на столбах, врытых, кажется, не очень прямо. По середине двора стоял стол, накрытый клеёнкой в красную клетку. На застолье было трое. Мужчина, женщина и мальчик лет так семи. Они ели арбуз. Арбуз был огромный, полосатый, разрезанный пополам. Видно, как сок течёт по руке женщины, как она смеётся и вытирает его о подол сарафана.

Виктор смотрел. Такие записи он видел десятки раз. Люди снимали на советские камеры «Электроника» или «Спектр», потом кассета лежала на полке годами, а потом попадала к нему, для того чтобы переписать, продать, выбросить. Семейные архивы обычно никому не нужны, когда рушится страна. Ни даты. Ни имён. Ни города. Просто кусок чьей-то жизни, записанный на плёнке и теперь выплюнутый его телевизором в пустой салон города Воронежа.

Мужчина за столом был худощавый, с тёмными волосами, зачёсанными на пробор. Лицо приятное, но усталое. Женщина была светловолосая, красивая улыбка и одетая в голубой сарафан в горошек. Мальчик, был похож на неё, светлый и худенький. Все смеялись, радовались, а камера дрожала. Кто то снимал их, и дыхание оператора иногда попадало в микрофон. Короткие глухие выдохи, особенно когда камера сильно дёргалась.

Он выключил плеер. Посмотрел на часы — половина десятого утра. До открытия салона было ещё полтора часа. Он взял вторую кассету — цифра «2» на торце, тот же почерк, — но, подумав, отложил. Решил: проверит позже. Сейчас нужно было заняться делами. Виктор допил кофе и отмотал назад. Посмотрел ещё раз. Всё то же самое. Дача. Семья. Арбуз. Лето. Ничего интересного.

Дел, впрочем, не было. Он просмотрел газету трёхдневной давности — на первой полосе писали про ситуацию в правительстве, про дефолт, про то, как «страна выбирается из кризиса». Он перевернул страницу, потом ещё одну. Обычная риторика, обычные фотографии, обычные лица.

В полдень зашёл первый клиент — мужчина лет пятидесяти в мятом пальто, попросил «что-нибудь про войну, только не чёрно-белое». Виктор предложил новинку: «Спасти рядового Райана», в пиратской копии. Мужчина долго мялся, считал деньги, потом ушёл, ничего не взяв.

В три часа заглянули две женщины. Это были соседки по дому, попросили переписать индийский фильм, названия которого они не помнили. Виктор объяснил, что для этого нужно принести оригинальную кассету и они ушли, и он так оставался один.

В четыре уже начался дождь. Мелкий, ноябрьский, ледяной. Он барабанил по козырьку и стекал по стеклу витрины, размазывая отражение улицы. Стало темнеть. Виктор включил в подвальчике свет. Тусклый, дававший болезненно-жёлтое свечение. В салоне запахло нагретой изоляцией и пылью.

В пять пришли подростки. Их было четверо, те самые, что приходили каждую неделю. Заплатили металлическими рублями и мятой трёшкой за просмотр «Блэйда» в одном голосе и очень сомнительного качества. Он поставил кассету, убавил звук до приемлемого уровня и ушёл в подсобку. Подсобка была маленькой — три шага в длину, два в ширину, — но в ней помещалось всё, что нужно: плитка, чайник, табурет, полка с пустыми коробками от кассет и пепельница, полная окурков. Он сидел, курил и слушал, как за стеной Уэсли Снайпс расправляется с вампирами.

Когда подростки ушли, он вышел в зал, проветрил помещение. Дверь была нараспашку, в салон ворвался сырой воздух, пахнувший мокрым асфальтом и гарью с железной дороги. Потом закрыл дверь, запер на засов и задёрнул штору. Рабочий день кончился.

В целом он мог бы взять и уйти домой, как и он и хотел, в свою комнату в коммуналке на проспекте Революции, которая ждала его. Узкая, но удобная кровать, телевизор, стопка книг, которые он брал у соседа и редко когда возвращал. Но вместо этого Виктор заварил ещё кружку кофе и сел перед экраном. Он включил первую кассету по второму разу. Сам не понимая зачем. Дача. Семья. Арбуз. Лето. Голубой сарафан. Он смотрел минуту. Пять. Десять.

Экран мерцал. Кассета шуршала. Он почти задремал, когда заметил. Сарафан был красным. Он моргнул. Потёр глаза тыльной стороной ладони. Наклонился к экрану, вглядываясь в рябь старой записи.

Тёмно-красный в белый горошек, тот же рисунок, та же самая ткань и тот же фасон. Но цвет другой. Он даже был готов поклясться чем угодно, что утром сарафан был голубым. Он смотрел эту запись дважды и видел голубой сарафан. Виктор помнил его с той ясностью, с какой помнят вещи, на которые не обращаешь внимания, но которые почему то отпечатываются в мозгу.

Он отмотал назад и нажал паузу. Встал с дивана и подошёл к телевизору — вплотную, так близко, что почувствовал запах нагретого пластика и старой пыли. На статичном кадре женщина в красном сарафане держала ломоть арбуза. Улыбалась. Смотрела не в камеру — куда-то вбок, на мужа, кажется.

Виктор нажал воспроизведение и досмотрел до конца. Всё остальное было прежним. Яблони, смородина, клеёнка в клетку, смех, арбузный сок, мальчик с перепачканными щеками. Всё, кроме сарафана.

Он выключил плеер. В салоне стало очень тихо — только обогреватель щёлкал, остывая, да дождь барабанил по козырьку.

Виктор сидел не двигаясь. Магнитная лента не меняет цвет. Копия не меняет оригинал. Столько лет он возился с записью, перегонкой, копированием. Он знал, что изображение может поплыть, пойти рябь, сбиться синхронизация звука. Но оно не может просто перекрасить сарафан. И тем более изменить отдельную деталь, оставляя всё остальное нетронутым.

— Скорее всего устал, — сказал он вслух, и поднял руку чтобы взяться за лицо.

Голос прозвучал глухо и как-то незнакомо, будто говорил не он. Он откашлялся. Встал. Прошёлся по салону. Три шага от прилавка до двери, три обратно. Остановился перед выключенным экраном и подумал о том, что нужно поспать. Что он слишком много работает. В последнее время он вообще не высыпается. Глаза могут обманывать, особенно вечером, при тусклом свете, после целого дня перед экранами.

Это было разумное объяснение. Единственно возможное. Он принял его или заставил себя принять, что почти одно и то же.

Не включая света, он разложил диван, ещё советский, с продавленными пружинами, достался вместе с помещением, бросил подушку, снял кроссовки и улёгся, накрывшись старым пледом. Обычно он ночевал дома. Но иногда, когда не хотелось тащиться через полгорода под дождём или когда было особенно тоскливо, оставался в салоне. Сегодняшняя ночь была из таких.

Засыпая, он подумал о коробке. О кассетах. О том, что на дне коробки лежит что-то ещё, он не проверял толком. О том, что завтра нужно разобраться с остальными пятью кассетами. И о том, что голубой сарафан не мог стать красным.

Ночь прошла тихо. Дождь кончился к утру. — Не могло, — он повторял это, пока не провалился в сон.

Кассета. Глава 2

Телефон звонил очень требовательно, как умеют только старые аппараты. Виктор недовольно выпустил воздух из лёгких и снял трубку. Примерно в половине десятого утра зазвонил телефон. Виктор в это время, как раз заваривал кофе и что-то напевал себе под нос. Кружка с отбитой ручкой стояла на прилавке. Поднимавшийся пар смешивался с сигаретным дымом. Вообще-то он не собирался ночевать тут вторую ночь подряд, но вчера после первой кассеты накрыла глухая усталость. Лёг на диван, укрылся пледом и через минуту уже провалился в сны. Свет до утра из его кибитки так и горел всю ночь. Лампочка под потолком иногда мигала, то ли контакт отходил, то ли лампочка на последнем издыхании. Виктор всё собирался её заменить, но вечно руки не доходили или было просто лень.

— Слушаю.

— Виктор Сергеич? Со станции. АТС-четыре. У нас заявка от вашего абонента... — женский голос, казённый такой, равнодушный. Как у всех телефонисток. — Проверка линии. Трубку не вешайте.

— Я не вешал.

— Вот и хорошо. Скажите, помехи на линии есть?

Виктор прислушался. В трубке потрескивало — обычный фон старой воронежской телефонии, к которому он давно привык.

— Нет. Нормально.

— Ну и славно. Извините за беспокойство.

Салон Виктора тонул в утреннем полумраке. За окнами унылая погода. Дождь барабанил отрывисто. Когда он затихал наступала звонкая тишина, заполнявшая собой всё доступное пространство. На витрине висела та самая афиша «Терминатора-2», подписанная красным фломастером, которую Виктор, как и лампочку забывал заменить на более новые плакаты. Фломастеры он покупал в ларьке, который находился на углу, его держал армянин по имени Ашот. Они иногда общались о жизни, футболе и о том как всё плохо в нынешнее время. В трубке раздались короткие гудки, Виктор положил трубку. Он стоял у тумбочки с телефоном и потянулся за сигаретой. Набрал полные легкие дыма и выпустил обратно. В голове крутилась мысль. Заявок он вроде бы не подавал на проверку связи. Хотя. Может это просто плановая проверка или где то были сбои. В девяносто восьмом году оборудование ещё было совковым, никто его и никогда не обслуживал толком. Обычное дело.

Он присел на диван с кружкой кофе. Сделал глоток. Кофе был горьким и безвкусным, потому что Виктор часто экономил на сахаре. Коробка с кассетами, которую он вчера нашел на пороге салона, стояла на прилавке. Внутри находилось пять кассет и одна лежала отдельно, на крышке видеомagnитофона. Виктор покосился на отдельно лежащую кассету и тут же отвел взгляд. Вчерашние впечатления ещё сидели у него в голове, но при дневном свете, даже при таком тусклом, как сегодня, всё казалось только нелепым. Он мысленно сбросил всё на усталость, на недосыпание и то что он часто сидит у телевизора.

— Может спросить у Лёши, тот лет пятнадцать ковыряется с телеками он точно скажет, что это, глюк или моё переутомление. - прошептал себе Виктор под нос.

Он ещё позанимался своими делами, а в час дня он решил выйти наружу. Виктор запер салон. Осмотрелся вокруг. Дождя уже не было, над городом висела только морось, водяная пыль, которая не падала а просто стояла в воздухе, оседая на лице и одежде. Он задрал воротник куртки повыше и быстрым шагом направился к ларьку на углу. Кофе уже оставалось на дне, он отставил кружку и решил взяться за обычные дела. Сначала нужно подмести пол, а может даже и помыть. Протереть прилавок и проверить все кассеты. Какие на перезапись, а какие он отдал в прокат. Проверить свою аппаратуру на работоспособность и заняться пере-

записью. Рутиной он занимался не долго, но продуктивно. В одиннадцать забежала соседка, которая принесла тот самый индийский фильм "Зита и Гита". Виктор вспомнил, что много раз смотрел этот фильм со своей матерью в детстве. Внутри пробежала волна ностальгии, немного уколов. Глухо кольнуло, как эхо старого выстрела. Он записал в тетрадь и пообещал отдать к завтрашнему вечеру.

— Привет, мой дорогой! — Ашот сидел внутри, за стеклом, как рыба в аквариуме. В ларьке горела лампа, и от этого казалось, что он единственный живой человек на всей улице. — Ты чего такой хмурый?

— Не выпался. — Виктор сунул руку в карман за мелочью. — Две пачки «Примы» и сахар-песок. Если есть.

— Сахар есть. Всё есть, кроме денег у людей. — Ашот засмеялся, довольный собственной шуткой, и полез под прилавок. — Слышал, Прима подорожает с Нового года.

— Слышал.

— Всё дорожает. Кроме человека. Человек дешевеет.

Виктор взял сигареты, сахар в бумажном кулке и уже собрался уходить, когда Ашот вдруг сказал:

— А ты слыхал, на Железнодорожной опять кого-то нашли?

— В смысле нашли?

— Ну, труп. Там старые дома сносят, под погребом яму раскопали, а там кости. Говорили, старые, ещё с войны. Или раньше. Никто толком не знает. Сказали — перезахоронят.

— Не слышал.

— А, ну да, ты же в своём подвале сидишь. Темнота. — Ашот покрутил пальцем у виска, но без злобы. — Заходи, если что.

— Зайду.

На заднем плане, за семьей, в дверях дома, стояла фигура. Высокий человек, в темном одеянии. В руках он держал что-то небольшое, что-то прямоугольное, прижатое к груди. Кажется камера, с маленьким красным огоньком на видеоискателе. Виктор отмотал назад и просмотрел всю запись с самого начала. Фигура, которая стояла позади семьи, стояла с самого начала записи. Виктор просто не заметил её сразу, потому что всё внимание оттягивали на себя застывшие лица, но теперь он видел этого фигуру, которая стояла в дверях и смотрела прямо так же как и застывшие лица. На оператора, в камеру. Долго, неподвижно. Будто ждал. Виктор, вернувшись в салон, заварил себе новую кружку кофе, но теперь уже с сахаром, и уселся за прилавок. Настроение немного испортилось. Не от того, что рассказал ему Ашот, о погребе с костями. А от слова "подвал". Ведь он действительно сидел в подвале. Его салон был в подвальном помещении, что там говорить. Полуподвал, подвал, в целом, какая разница. Он все эти годы убеждал себя, что это всё временно, он выкарабкается, и бизнес пойдет в гору. Не пошёл. После обеда дождь продолжил барабанить по козырьку. В салоне стало темнее. Виктор решил включить лампу, щелкнул по выключателю, лампочку пару раз мигнула, но загорелась. Коробка всё ещё стояла на прилавке. Он опять направил свой взгляд на неё и долго не отводил. Глубоко вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и достал ещё одну кассету, без какой-либо причины или пояснения себе. Будто он не мог иначе. Что-то внутри него требовало продолжения. На кассете была выведена цифра "2". Он вставил её в видеомагнитофон, на пульте нажал кнопку включения телевизора. Кассета зажужжала, на экране пошла рябь. Снова дача, снова лето. Яблони, смородина. Клеенка на столе всё та же. За столом та же самая семья. Мужчина, женщина и мальчик. Они сидели неподвижно и уже не ели арбуз. На столе стояли тарелки с едой, сервиз. Стол был накрыт так, будто они что-то отмечали. Они не трапезничали, а внимательно смотрели в камеру. Никто из них не моргал и не шевелился. Как будто это фотография, только зачем-то снятая на видеоплёнку. От такой картины у Виктора свело где-то в животе. По телу пробежал легкий холодок. Камера немного дрожала. Это легко было видно по краям

кадра, почти незаметное подрагивание. Такое иногда бывает, когда неопытный оператор держит камеру в руках, а не ставит её на штатив. Время от времени было слышно дыхание оператора, сбивчивое, будто он долго бежал и пытается теперь отдышаться, стараясь не выдать себя. Женщина была в красном платье в белый горошек. Виктор вгляделся и увидел на предплечье чуть выше запястья у неё синяк. Уже выцветший, желто-фиолетовый, который уже заживает. И это уже точно не дефект записи или игра воображения. Мальчик до сих пор смотрел в объектив не отрываясь, светлые глаза, как у матери. Губы были немного приоткрыты, словно он хотел что-то все время сказать, но не мог. Мужчина положил руки на стол ладонями вниз. Пальцы у него были длинные и тонкие, не рабочие, больше было похоже на музыканта или чертежника. Он смотрел туда же, что и остальные. В камеру. Или на того, кто снимал. То есть, прямо сейчас на Виктора. Он резко нажал на паузу. Встал и подошел к прилавку, налил себе воды из чайника. Он хоть и не хотел пить но сделал глоток и вернулся обратно к телевизору. Он опять нажал воспроизведение. Запись была не долгой, около пяти минут. Семья так же сидела, даже не пошевелившись. Дыхание оператора всё время просачивалось. Виктор уже хотел перемотать или выключить. Но в один момент у него сжались пальцы по подлокотнике дивана.

— Кто ты? — сказал Виктор вслух.

Тишина. Экран мерцал. Фигура не отвечала.

Виктор постоял на ступеньке и закурил. Дым смешивался с туманом, поднимаясь вверх над козырьком и таял. Мимо проходила женщина с собакой, маленькой и лохматой. Виктор не знал этой породы. Собака покосилась на него и тихо зарычала. Женщина дёрнула поводок и ускорила шаг. Виктор, ещё раз досмотрел запись до конца. Выдохнул и закурил сигарету. Не долго думая он ещё раз перемотал на начало и запустил запись заново. Ещё более внимательнее чем прошлые разы. Потом ещё раз. А после и ещё. На пятом просмотре, он заметил одну очень интересную деталь, которую он пропускал раньше. У мужчины за столом была татуировка на левом предплечье, маленькая едва заметная. Под закатанными рукавами рубашки, её тяжело было обнаружить. Виктор долго не мог разобрать рисунок, он начал себе представлять что-же это. Звезда, а может птица. Может буква. Разобраться было тяжело. Виктор не мог больше на это смотреть и выключил телевизор. Тишина опустилась на салон. Обогреватель иногда пощёлкивал, а кран в подсобке медленно и размеренно капал, с интервалом в секунды три. На улице дождь уже успокоился и было хорошо слышно, как вода стекает по водосточной трубе где-то снаружи. Виктор размышлял. Нужно наверное позвонить Лёше, позвать его сюда и пусть он посмотрит своим профессиональным взглядом. Может он подтвердит что это просто брак, глюк или дефект записи. Или согласится с Виктором, когда увидит тоже самое и тогда... Что тогда? Он не додумал мысль до конца. Она была слишком большой и не помещалась в голове. Виктор поднялся и направился к телефону. Подняв телефонную трубку он быстро начал набирать номер. Начались длинные гудки. Он не долго ждал, около тридцати секунд, ни кто не ответил. Он положил трубку обратно. Виктор уселся и начал тереть себе виски ладонями, потому что он испытывал неприятную боль. Усталость накатывала волнами, а в глазах была пелена. Виктор решил выйти, прямо сейчас. Закрыв салон и пойти домой. Дома принять горячий душ и поспать в нормально кровати, а не на этом чертовом диване, на котором пружины впиваются в спину. А уже завтра, на свежую голову, разобраться с этими странными кассетами. Или вовсе не разбираться, а выбросить их к чёртовой матери. Он накинул куртку, подошел к входной двери, отодвинул засов и потянул ручку. Двери открылись и холодный ноябрьский воздух ударил его в лицо. На улице уже была темнота, хотя было около пяти вечера. Фонари уже горели, но через один, как всегда в этом районе. В конце квартала у ларька Ашота, теплился одинокий огонёк.

— И тебе добрый вечер, — сказал Виктор в пустоту.

Он ещё раз обвел взглядом салон. Прилавок, стулья, афиши. Ни чего странного. Всё как обычно. Но ощущение присутствия его уже не покидало. Как будто, та самая камера, с

красным огоньком, всё ещё работал, снимала и записывала, но уже не оператора, а самого Виктора. Он закончил курить. Бросил окурочек в лужу и в общем то уже хотел вернуться в салон, чтобы запереть его и отправиться домой, когда заметил что-то странное на дверном косяке. Маленькую, едва заметную царапину на краске, Виктору показалось, что это какой-то знак. Вырезанный чем-то острым. Он наклонился поближе чтобы рассмотреть. Это была цифра "7". Его передернуло, от ощущения, что-то здесь не так. Он не должен был видеть этого, что эта цифра появилась не случайно и совсем не вчера. Царапина была свежей. Метал блестел. Но краска уже окислилась по краям. Вчера её здесь точно не было, он был заметил. Он резко зашел внутрь и захлопнул дверь, запер засов и прислонился к стене спиной и долго стоял, слушая, как внутри колотится сердце. Он смотрел на прилавок, где стояла эта коробка. Внутри неё лежали ещё четыре не просмотренные кассеты. На торцах были цифры от трёх до шести. Цифра семь появилась на косяке. Что это вообще значит? Он не понимал и не знал что с этим делать. Внутри под рёбрами, чувствовал что всё это адресовано ему. Оглядывая салон он решил подойти к прилавку. Он вытащил кассеты и начал разглядывать коробку. На дне он увидел сложенный листок бумаги. Он там был с самого начала. Но Виктор мог поклясться в этот момент что его там не было, когда он первый раз осматривал коробку. Он перетряхивал её, заглядывал на дно, там ничего не было, кроме газет. Развернув листок, он увидел три слова. Написанные тем же самым подчерком что и на кассетах и тем же самым маркером. На ней было написано. "Смотри. По порядку". Он покрутил листок в руках, нет ли там чего на обратной стороне. Ещё раз перечитал. Ни подписи. Ни даты. Ни чего. Кроме "Смотри. По порядку". Руки дрожали от всей этой паранормальщины. Виктор убрал листок обратно в коробку. У него не было страха. Скорее это была злость, на то что кто-то устроил ему эту игру. Принесли эти дурацкие записи, вырезали цифру на косяке. Они что, следят за мной? Они знают мой адрес? Мой салон? Мои привычки? Кому это нужно?

Выключив свет, он уселся на диван и уставился на своё отражение в телевизоре. Тяжело было разглядеть себя в полумраке, но он не пытался. Он уставился и не понимал, что делать дальше. А размытое и серое отражение в выключенном экране ровно повторяло его состояние. Он не хотел спать, есть, курить. Но он лёг и накрылся пледом. Закрыв глаза, чтобы заставить себя побыстрее уснуть и забыть этот вечер. Чтобы начался завтрашний день. Он позвонит Лёше и завтра попробует понять, что с этими кассетами и странностями, которые с ним происходят.

Но сон не шёл.

Он ворочался с боку на бок, перекладывал подушку, сбивал плед и снова натягивал. В голове крутилась эта цифра на косяке и три слова на бумажке. "Смотри. По порядку". Кто написал? Когда? Почему он не заметил листок сразу, когда перетряхивал коробку в первый раз? Он же точно помнил: ничего там не было, только газеты. А теперь есть. Будто листок сам себя написал и положился на дно, пока Виктор отворачивался.

Он сел на диване, потер лицо ладонями, закурил прямо в темноте. Огонёк от сигареты красный, тусклый. И в экране этот же огонёк отражается. Та самая точка. С камеры. Которая у оператора, что снимала семью. Он смотрел на эту красную точку в экране и чувствовал, как по спине пробегает холодок. В салоне было тихо, но эта тишина теперь не успокаивала, а давила. Каждый звук. Скрип половицы, щелчок обогревателя, капли крана в подсобке, всё казалось чужим и подозрительным. Будто кто-то ходил рядом, совсем близко, и ждал, когда он уснёт.

Виктор докурив, затушил сигарету в пепельнице и снова лёг. Натянул плед до самого подбородка. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но усталость брала своё. Он закрыл глаза и заставил себя дышать ровнее. Дождь снова зарядил по козырьку и этот звук немного успокаивал. Просто ноябрь. Просто шум. Просто вода. Кран в подсобке продолжал капать. Виктор считал каждую каплю и не заметил, как на сотой или сто первой капле провалился в сон. Чёрный, глубокий, без сновидений.

Кассета. Глава 3

Виктор старался не смотреть на эту странно коробку, которую он утром специально передвинул в дальний угол прилавка и прикрыл сверху старой газетой, которую он так и не дочитал на прошлой неделе. Газета уже начала желтеть по краям и пропиталась запахом сигаретного дыма и пылью. Заголовок на первой полосе гласил: "Переговоры продолжаются, Россия и МВФ". Он даже не знал, чем же закончились переговоры, и не хотел знать. Для него было важно, чтобы эта коробка с проклятыми кассетами не маячила перед его глазами. Следующий день шёл очень вязко, как скисшее молоко.

Этим днем Виктору дел хватало. В подсобке скопилось четыре кассеты на перезапись и все четыре ждали своих владельцев, как минимум уже второй день. Он разложил их на прилавке, достал каждую из своей коробки и принялся перезаписывать одну за одной. Каждая кассета - это особый фильм, он это точно понимал и чувствовал как ни кто другой. Виктор очень любил смотреть кино, особенно фильмы семидесятых, восьмидесятых и девяностых, но и более старые фильмы иногда попадали в него. Но предпочтение он отдавал всё таки Новом Голливуду. На коробках были надписи: "Титаник", на бледной упаковке "Апокалипсис сегодня" и "Зита и Гита" с нарисованным слоном, которого кто-то из детей соседки разукрасил фломастером. Последняя была в обычной коробке из под VHS, которую продавали с чистыми под запись кассетами. Но на торце самой кассеты была наклеена надпись "Сияние".

Виктор вставил кассету Титаника в видеоплеер, и запустил второй с чистой кассетой. Оба загудели. Очень знакомо и ровно, без каких либо перебоев. В салоне было очень тихо и спокойно. Гудели только магнитофона, да изредка дребезжало окно витрины от сильного ветра. А за окном опять зарядила мелкая морось. Он откинулся на стуле, голову задрал вверх и медленно, смакуя, втягивал в себя дым из папиросы. Смотря на потолок, невольно задумался о той дурацкой коробке с кассетами, теми что под газетой. Ведь он вчера смотрел вторую кассету и то что он увидел при просмотре сидело у него в голове занозой. Черная фигура в дверях, с какой то, то ли камерой, то ли черт его возьми с чем. Он стоял там, на заднем плане, и смотрел прямо в объектив. Не сквозь, не на оператора, а на Виктора. Будто смотрел в его душу. Виктор отмахнулся от этих мыслей и подумал, а вдруг я смотрел просто чей то любительский фильм? Или малобюджетка? Когда ведь камеры стали для всех обычным делом, чуть ли не каждый начинал снимать всякие докуметалки, любительские фильмы и так далее. Вдруг это просто дурачество, чтобы кого то напугать? Насмотрелись какого ни будь Хичкока и давай снимать свои ужастики. Виктор улыбнулся. Пока эти мысли ещё бегали по его голове, он зрительно пытался все равно переключиться. Посмотрел на часы, на пыль под прилавком, развернулся и посмотрел на капающий кран, но он ни как не хотел смотреть опять на эту коробку.

Но его мозг ни как не мог отпустить эту историю из кассет у себя из головы. Он начал выискивать несостыковки, прокручивал заново, сопоставлял.

Ну вот же, первая кассета, было лето, все счастливые, лопают арбуз, сарафан голубой, а потом красный, синяк на руке, который появился позже, но факт что он появился. Вторая, то же самое, та же дача, или дом частный, но они не ели, хотя тарелки были полные. Сидели не подвижно, застывшие, как на фотографии. Но свет, там был разный свет. То ли время суток разное.

И Виктор начинает осознавать, что это либо разный год, или разные месяца, ведь трава и листва на второй кассете уже была потускневшей, ближе к желтой. То есть это был либо конец августа, или сентябрь. Это не один день. Между записями прошло время, не часы и не дни, а месяцы, а может даже и годы. Кто-то и зачем то снимал это семью не раз. Не похоже что это был близкий их знакомый или член семьи. Ведь кто-то реально возвращался и сюда раз за разом, и снимал их?

От этой мысли Виктору стало не по себе и он закурил ещё одну. Выключил все видео-магнитофоны, косо посмотрел на чертову коробку. И себе под нос невольно пробормотал, что третью кассету он не тронет. Ещё нужно подумать и свежий воздух. Он решил сходить до Ашота и купить ещё сигарет. Но промешкавшись остался сидеть внутри салона. Он включил обратно плееры чтобы работала запись.

Около пяти вечера, когда небо за окном уже начало закрывать черная пелена, раздался звонок.

Виктор в это время, как раз закончил перезапись "Титаника" и собирался вскипятить чайник. Телефон так неожиданно и резко взорвался трелью, от чего Виктор сильно вздрогнул и подошел к телефону.

— Алло.

— Виктор Сергеич? Это АТС-четыре. Опять вас беспокоим.

Женский голос был тот же, что и вчера. Или похожий. Казённый, равнодушный. Но теперь в нём слышалась какая-то натянутость, будто телефонистка сама не понимала, зачем делает этот звонок.

— Слушаю, — сказал Виктор. Внутри неприятно заскребло.

— Проверка линии, плановая. Скажите, вы сегодня замечали перебои со связью? Может, помехи, треск, посторонние голоса?

— Посторонние голоса? — переспросил он.

— Ну, бывает, что линия накладывается на другую, и абонент слышит чужие разговоры. У вас такого не наблюдалось?

Виктор помедлил. Что-то было в этом вопросе — липкое, тревожное. Но ответил он ровно:

— Нет. Никаких голосов. Нормальная линия.

В трубке помолчали. Потом она сказала:

— Хорошо. Извините за беспокойство.

И повесила трубку.

Виктор ещё с минуту стоял у аппарата, держа ладонь на теплом пластике. Явно что-то было не так, это уже второй звонок за два дня. Слишком настойчиво и странно, но он не мог это связать и понять, что именно его тревожит. Какой то внутри осадок, как после дурного сна.

Он вернулся к чайнику и заварил себе чай. Достал из мятой пачки ещё одну сигарету и закурил глядя на витрину и за окно, за которым моросил ноябрь. Виктор неспеша допил чай и решил, что всё таки пора уже выйти на улицу и дойти до ларька.

Воздух на улице был пропитан сыростью и холодом. Запах железной дороги отдавал гарью тормозных колодок, а прелая листва остывала под холодным фонарём, не в силах перебить железный дух. Над домами висела серая морось. Виктор глубоко вдохнул, прикрыв глаза, и, сунув руки в карманы, зашагал в сторону ларька Ашота.

Ларек на углу, как всегда был единственным ярким пятном в этом мрачном закоулке. Свет горел оранжевым, тёплым. Ашот сидел внутри с сигаретой во рту и листал газету "МОЁ" — Воронежский вестник новостей. Увидев Виктора, он аккуратно сложил газету и заулыбался.

— О, сосед! Привет дорогой! Опять Прима и сахар?

— Прима, — сказал Виктор. — И, может, что-нибудь к чаю.

— К чаю есть печенье «Юбилейное». Почти свежее, сейчас посмотрю.

Пока Ашот копался под прилавком, со стороны трамвайной остановки подошла женщина. Виктор узнал её сразу. Это была та самая соседка, что приносила «Зиту и Гиту». Выглядела она лет на сорок, на лицо уставшая от жизни, бежевый плащ и платок на голове. А в руках была авоська с пустыми банками.

— Ой, Виктор Сергеич, — сказала она, запыхавшись. — Хорошо, что встретила вас. Я к вам завтра забежать хотела. Вы переписали мою кассету?

— Всё готово, — ответил Виктор. — Завтра утром приходите

— Ох, спасибо вам огромное. Вы меня сейчас спасаете.

— Спасатель? — хмыкнул Ашот из ларька. — Ты, Валентина, ему деньги плати, тогда он не только спасать будет. А то он в долг всё, в долг.

— Деньги будут, — кивнула она. — С получки.

Ашот махнул рукой:

— Знаем мы вашу получку, третью неделю ждем уже. Беги, а то автобус уйдёт.

Женщина посмотрела на Ашота с улыбкой. Кивнула, развернулась и направилась в сторону автобусной остановки. Виктор провожал её взглядом. Валентина шла медленно, немного прихрамывая на левую ногу. Её фигура растворилась в тумане, и только авоська ещё мелькала белым пятном в сумерках.

— Хорошая женщина, — сказал Ашот. — Мужа нет, тянет трое детей на себе. И ничего, крутится.

— Все крутятся, — ответил Виктор.

— Все, да не все. Некоторые сидят в подвале и смотрят кино.— заулыбался Ашот, — Да шучу я, брат!

Виктор усмехнулся. Забрал с прилавка пачку "Примы" с печеньем и направился обратно в свой салон. Ашот крикнул вслед:

— Заходи завтра, у меня "Арарат" есть!

— Чего? — обернулся Виктор.

— Коньяк, дорогой! Настоящий, из Армении. Брат прислал.

— Разбогател, что ли?

— Нет, это подарок. Ты заходи, посидим, выпьем.

Виктор махнул рукой. Настроение было немного приподнятое, что-то живое пробилось во внутрь сквозь пелену последних событий. А может, правда завтра зайти к Ашоту и выпить. Давно он не пил.

В салоне царила тишина и покой, только иногда мигающая лампочка выдавала эту монотонность. Обогреватель работал на совесть, после холодный улицы теплое помещение было в самый раз. Виктор снял свою потертую куртку и повесил её на спинку стула у прилавка. Неспеша заварил себе очередную кружку чая. Хотелось бы кофе, да банка пустая уже несколько дней. Он аккуратно развязал пакет с печеньями, в воздухе повис приятный запах ванили. Давно он себя так не баловал. Он положил в рот одно печенье и начал медленно пережевывать, пытаясь задействовать все рецепторы на своем языке. В итоге он так съел две штуки и запил всё горячим чаем. Виктор рассмотрел полку с фильмами, которые были у него для проката, и выбрал в голове что включить для фона, чтобы не сидеть в тишине. Но в дверь постучали.

Он медленно направился к дверям, чтобы открыть. Открыв дверь, он увидел, как на пороге стоит Тамара.

Ей было около тридцати трех лет. Брюнетка, кареглазая, небольшого росточка. Очки на глазах и вечно выпадающий локон волос болтающийся перед глазами. Работала она в библиотеке на улице Остужева. Раз в неделю заходила к Виктору в гости в салон, брала в прокат советское кино и классические фильмы. «Служебный роман», «Осенний марафон», «Вокзал для двоих» она брала даже не сколько раз, так они ей нравились. Платила всегда сразу, кассеты возвращала всегда в срок, целые и невредимые. Иногда подкармливала Виктора, приносила с собой пирожки с капустой или картошкой. Между ними что-то было. Но они сами не понимали ещё что. Они друг другу нравились, но признаться друг другу на прямую они не могли, или не хотели. Для Виктора будто стояла стена между ними. которую у него не было желания ломать. Он не мог объяснить почему даже себе. Может был страх, а может, считал, что не заслужил такого тепла. А может, просто привык быть один и уже не помнил, как впускать кого-то дальше порога.

— Проходи, — сказал Виктор. — Я как раз чай заварил.

Тамара вошла. В руках был свёрток из фольги. Она протянула его Виктору.

— Это тебе пирожки с капустой. Ты худущий стал, как велосипед. Ешь.

Она протянула ему свёрток, он взял его заботой, аккуратно коснувшись своей грубой маскулиной рукой, её нежные и холодные руки. От свёртка пахло домашним настроением. Это был запах детства, когда мать пекла что-то по выходным.

— Спасибо тебе огромное, — сказал он и не узнал собственный голос. — Присаживайся, чай уже готов.

— Я на минутку. У меня смена до восьми, нужно успеть вернуться.

Тамара все же решила пройти внутрь и направилась к прилавку, усевшись на край стула она внимательно смотрела на Виктора. Он налил ей чай в чистую кружку. Эта кружка была как раз для таких случаев, для гостей, она была всегда вымыта и стояла там где обычно стоит сахар с чаем. Она подняла кружку и обняла её ладонями, чтобы согреть их. Пар от чая поднимался к её лицу и в этом тумане её черты смягчались, что стали совсем домашними. Виктор поймал её взгляд и в голове пробежала мысль, что ему очень приятно когда они смотрят друг на друга.

— Ты кому-то звонил вчера всё утро?, — спросила она. — У тебя телефон был занят всё утро.

— Звонили со станции, проверяли линию, мы говорили не больше минуты.

— Проверка линии? Два дня подряд? Странно.

— Да, кто их знает, что у них там стряслось.

Тамара помолчала, помешивая сахар в кружке. Потом сказала:

— Не хочешь говорить, не говори. Но я же вижу, что ты сам не свой. Сидишь тут в этом подвале, света белого не видишь. Может, хоть в воскресенье сходим куда-нибудь? Ненадолго.

Виктор помолчал, но внутри замешкался, не подавая вида. В воскресенье он собирался... что? Разбирать кассеты? Записывать фильмы? Лежать на диване? Ничего в голову не приходило.

— Не знаю, у меня дела здесь, — сказал он.

— Дела у него, — она покачала головой и опустила глаза. — Если соберешься с мыслями позвони, номер ты знаешь.

Она допила чай медленными глотками и на секунду задержала взгляд на нём. В её глазах было тепло, смешанное с осторожностью. Такое бывает у людей, которые уже обжигались и не хотят обжечься снова, но она ему доверяла, как ни кому другому в данное время.

— Спасибо большое за пирожки, очень люблю твою стряпню, — сказал Виктор.

— Пожалуйста. Только доешь их, а не держи до плесени. Я побежала, а то опять ругаться будут.

Тамара поправила пальто и вышла, Виктор закрыл за ней двери и остался стоять у двери прислонившись к ней головой. Вдыхая вкусный запах пирожков, остаточного дешевого парфюма от Тамары и чувствовал тепло. Тепло было там, где раньше была только пустота от одиночества. Он не знал что с этим он может сделать, потому что тепло его пугало не меньше, чем кассеты.

После ухода Тамары, он весь вечер просидел перед телевизором, он был выключен но Виктор всё равно смотрел в экран, будто ждал, что-то загорится сам по себе. Мысль медленно перетекали в его голове, и тут он заметил фотографию где он вместе с бывшей женой, Ольгой, и сыном стоят на первое сентября. Пашка шел тогда в первый класс. Он не стал дальше гонять свои мысли, потому что понимал что не звонил сыну уже больше недели. Сам обещался приехать ещё в прошлые выходные, и так и не приехал. А Ольге он хотел отдать алименты, но опять придется задерживать.

Он взял телефонную трубку. И набрал номер бывшей жены, он знал его наизусть. Начались длинные гудки.

— Алло, — голос Ольги был усталым.

— Оль, это я.

— Я поняла. Чего хотел?

— Пашку услышать. Можно?

Он услышал, как она вздохнула — не зло, скорее обречённо.

— Он спит уже. Завтра после школы пусть позвонит.

— Ладно. Спасибо.

— Витя.

— Да.

— Ты когда алименты пришлешь?

— Скоро. На следующей неделе.

Она не ответила. Только вздохнула ещё раз и положила трубку. Короткие гудки ударили в ухо.

Виктор сидел с трубкой в руке и слушал эти гудки, они давили ему пульсирующим тоном на виски. Он положил трубку обратно на телефон. Ему было очень стыдно, что не может помочь Ольге и Пашке. Он любил сына очень глубоко и сильно, его любовь выросла, когда они с Ольгой разошлись. Он стал скучать по сыну, ценить то, что не ценил до этого и понимать на сколько дорог ему этот человек.

Выключив свет Виктор разложил диван и лёг, укрывшись пледом. И попытался закрыть глаза, чтобы очередной раз провалиться в сон.

Но из темноты донесся странное жужжание. Он открыл глаза и приподнялся на локте. В углу где стоял телевизор и видеоманитофоны, горел красный индикатор, означающий, что плеер включен. Он прекрасно помнит, что выключал всю технику и кассет внутри не было. Но магнитофон не переставал издавать жужжание, медленно, будто что то воспроизводил. Виктор сел на кровать, ещё раз осмотрелся в темноту. И направился в носках, не надевая обувь, по линолеуму к стойке с техникой. Нашупал в темноте кнопку выключения и безмолвие опять повисло в воздухе. Красный огонёк тут же погас. Он постоял немного во мгле и нажал кнопку включения. Плеер заработал без кассеты. Экран телевизора загорелся серым шумом. Телевизор ослепил Виктора, что тот даже не мог нормально открыть глаза. На сером фоне, беззвучно шла рябь, а за ней, едва различимое, как будто снятое сквозь толщу воды. Там что-то двигалось. Или кто-то. Виктор резко выключил телевизор и выдернул все шнуры из розеток. В салоне наступил покой. Даже кран который монотонно бил каплями по раковине не нарушал его.

Виктор уселся на диван, взялся за голову ладонями и начал сжимать голову, потом начал дергать и так последние волосы. Это была смесь злости и не понимания, что происходит вокруг. Чего и кому от него надо. Спать уже давно не хотелось, хотелось просто понять. Но понимание, так и не приходило. Приходило только чувства. что он уже не один в этом салоне. Слезы навернулись на глаза. Он понимал, что на него напала какая-то безнадега. Он думал о разном. И рассказать кому-то, а вдруг сочтут за дурака и отправят лечиться. А может выкинуть всё это. Бросить этот салон и забыть всё как страшный сон. Но он уже вроде бы тут свой человек. Все его знают и привыкли к нему.

Так он и остался, со своими мыслями, сидеть до самого рассвета.

Кассета. Глава 4

Виктор проснулся от того, что в форточку тянуло холодом, и спина затекла так, будто он таскал мешки всю ночь. Голова болела и была тяжелой. Он сел на диване и опустил голову вниз, пытаясь прогнать остатки сна. В салоне, как обычно стояла гробовая тишина. На прилавке одиноко стояла кружка с недопитым вчерашним кофе и пепельница доверху набитая окурками.

Состояние было не самым лучшим, но Виктор все равно встал с кровати и направился в подсобку, чтобы привести себя хоть немного в порядок. Ледяная вода из-под крана обжигала его лицо, в глазах становилось немного яснее, но на самочувствие это никак не отразилось. Сонливо и вязко он поднял голову и посмотрел на себя в мутное отражение в зеркале. На него глядел человек лет так под сорок, с покрасневшими глазами и трехдневной щетиной. Виктор усмехнулся сам себе: "Мда, дожили. Раньше хотя бы на заводе гудел, а сейчас от кассет шархаюсь, как ребенок темноты". Он плеснул ещё воды на лицо и растёр виски, чтобы отогнать дурацкие мысли.

Завтракать не особо хотелось, но он заставил себя заварить кофе, чтобы немного освежиться, и пока чайник закипал, он на прилавке решил разложить свою "бухгалтерию". Он пальцами водил по тетрадке, записи были то зачеркнуты, то обведены. Весь его "бизнес" держался на честном слове и этих записях в тетрадках. Сергеевы - Титаник, долг 15 рублей. Михалыч - Апокалипсис Сегодня, не вернул с прошлой пятницы. Долг 5 рублей. Валентина - перезапись "Зиты и Гиты", сегодня, 10 рублей и дальше по списку.

Он поразмышлял, если сегодня сдадут хотя бы половину должников, он сможет дать Ольге и Пашке три сотни рублей, а может даже и триста пятьдесят. Может быть тогда она немного перестанет смотреть на него усталым взглядом, от которого внутри всё переворачивалось, хотя бы на месяц точно перестанет.

За окном медленно светлело ноябрьское утро. Виктор пил стоя кофе, глядя в окно и размышляя, несмотря на состояние, какое сегодня приятное и доброе утро. Прохожие кутались в пальто, издали слышен проезжающий грохот трамвая. Небо было светлее, чем обычно и было покрыто не тучами, а белыми облаками, высокими, уходящими далеко за горизонт. Видно, что солнце так и хочет пробиться сквозь них, но они были плотными, застилая весь небосвод. Кофе вперемешку с сигаретным дымом создавали сильно горький привкус, что очень отрезвляло Виктора после тяжелого подъёма.

Примерно в двенадцать, он решил, что нужно позвонить своему другу Лёше. Они давно не общались, и Виктор хотел с ним встретиться. А тут и Ашот пригласил, Виктор надеялся, что он не будет против Лёшки, потому что они уже старые знакомые. Он снял трубку после третьего гудка и по голосу было слышно, что он только недавно проснулся.

— Привет, соня, — сказал Виктор. — Вечером как, свободен?

— Витька, привет! Свободен, а что такое?

— Не виделись давно с тобой, хотел тебя пригласить выпить с Ашотом? Он меня вчера пригласил выпить коньяк, а одному не охота. Не хочешь составить нам компанию?

— О, коньяк! Это я только за! А что у нас за повод для гуляний?

— Посидим, поболтаем, без повода. Как в старые добрые времена, втроем.

— Хмм, как раньше? — Лёша затих. — А ты помнишь, как мы с тобой на заводе после смены у проходной пили? У тебя ещё термос был постоянно с чаем, а у меня пол-литра в сапоге.

— Конечно помню. Ты его разлил на меня, а потом тёща выговаривала мне, что сивухой несёт, хотя я вообще тогда же не пил. — Виктор улыбнулся.

— Точно! — Лёша засмеялся. — Хорошее было время. Ладно, ты скажи, во сколько?

— Часов в семь заходи в салон, я тебя буду ждать.

— Добро.

Они в один момент положили трубки по разные концы провода. Стало ещё легче, всё-таки старый друг, а не какая-то там фигура на пленке. Виктор опять закурил, пуская дым к потолку и листая тетрадку с "бухгалтерией". И тут в дверь постучали, Виктор немного растерялся, хотя он прекрасно понимал, что это может быть любой из клиентов.

Он подошел к двери, приоткрыл, а на пороге стояла Валентина, та самая соседка, которая принесла "Зиту и Гиту".

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — выдохнула она. — Я за кассетой забежала, вы ска-
зали вчера зайти.

— Готово, проходите конечно. — Он посторонился, пропуская её в салон. — Как ваши
дети?

— Ох, лучше не спрашивайте. Старший сейчас с температурой лежит дома, а в школе карантин объявили, грипп гуляет. Младших пришлось дома оставить, а я сама на работу не могу не ходить, боюсь, что уволят. То у мамы их оставляю, то сама с ними сижу, когда обед или меня может кто-нибудь подменить. — Она села на стул и устало на нем растворилась.

Виктор внимательно слушал, даже не пытался перебивать. Он понимал Валентину, потому что сам когда то суетился с больным Пашкой, хоть и давно он не был в подобной ситу-
ации. И знал, что тяжело, когда помощи нет.

— Подождите, — сказал он, доставая с полки ещё пару кассет. — Вот, возьмите для
младших. Сборник мультиков «Ну, погоди!». И «Мэри Поппинс». Я думаю им понравится. Это бесплатно, не переживайте.

Валентина явно не ожидала такого от Виктора.

— Прекратите Виктор, мне неудобно перед вами. Я не смогу заплатить вам сейчас.

— И не надо. Это в подарок, скажем так, на время. Потом вернёте. Как дети посмотрятся.
— Он сунул кассеты ей в авоську. — А за перезапись «Зиты и Гиты» давайте сколько есть, нестрашно.

Валентина растерянно зашарила в кошельке, достала несколько мятых рублей. Виктор
взял только половину.

— Спасибо вам, Виктор Сергеевич, — тихо произнесла она. — Вы очень добрый человек.

Виктор не понимал таких слов, наверное потому что сам в них не особо-то и верил. Он
только пожал плечами и улыбнулся.

Валентина взяла кассеты и уложила их в свою сумку. Кивнула, ещё раз поблагодарила и
покинула "Орион". Виктор постоял немного у двери, провожая её взглядом и вернулся обратно к прилавку. Он вычеркнул Валентину из тетрадки и пересчитал всю мелочь, что у него была. Так как до вечера было ещё довольно далеко, он решил заняться уборкой в салоне. Не спеша подмел полы, протёр везде пыль, даже там где он обычно этого не делал и перебрал все коробки, которые стояли у него в подсобке. Руки делали обычную работу, а в голове не было напрягов и переживаний. Немного позже, где-то около трех часов дня, когда он уже хотел закрыться на короткий перерыв, в дверь опять постучались. Дверь немного приоткрылась. За порогом была Тамара.

— Вить, привет — сказала она, немного улыбаясь. — Ты не занят?

— Привет. Заходи. Я как раз чайник поставил.

Она аккуратно зашла и беззвучно прикрыла двери за собой. В руках у неё был сверток, который она тут же вручила Виктору в руки. От свертка пахло какими-то духами, лёгкими и цветочным. Этот запах, напоминал Виктору о тихих вечерах в библиотеке, где они и познакомились с Тамарой. Это был успокаивающий аромат.

— Я тебе тут принесла, я помню ты просил. — Она вытащила из пакета старенькую книгу. — Это "Мастер и Маргарита", ты как то сказал мне, что хочешь перечитать её, это старый экземпляр, его списали, и я подумала, что тебе он пригодится.

Виктор, как ребенок схватил книгу и давай вертеть её, листать. Обложка была с большой царапиной, он не любил людей которые делают такие нелепости на произведениях искусства. Страницы уже пожелтели, но пахла она, как надо. Старой книгой, временем и тайной.

— Огромное спасибо! — сказал он сдерживая свой восторг. — Я честно не ожидал!

— Вот теперь, я вижу того самого Витю, с которым когда я познакомилась. У тебя ничего не случилось? Я же вижу, что с тобой последнее время что то не так? Может уже поделишься? — Она присела на стул и внимательно стала смотреть ему в глаза.

С лица Виктора пропала искорка, которая только что зажглась. Он отвернулся, чтобы налить чай и не соприкасаться взглядом с Тамарой. Он налили кипятка в кружку и подвинул ближе сахар.

— Да ничего особенного. Устал просто. Дела, заботы.

— Ну я же вижу, что врешь, Вить. Ты врать не умеешь. — Голос Тамары звучал с едва уловимой ноткой печали. — Вить, ну я же тебе не чужой человек. Или всё-таки чужой?

Безмолвная тишина повисла в салоне, только дождь начал барабанить за окном.

— Не знаю, Тома, — наконец произнёс он. — Я как-то запутался. Думал, будет по-другому.

— Что по-другому? Жизнь?

— Наверное. Я не знаю.

Она глубоко вздохнула. Не отводя взгляда от Виктора взяла кружку и сделала глоток горячего чая.

— Вить, ты пойми, что сейчас у всех "не по-другому". Но ты зачем-то пытаешься всё тащить один. Для чего? Ты знаешь что можешь это делать не один. — Она встала и будто стала ждать от него ответного действия.

Он мельком пробежал взглядом по её лицу, и увидел с каким теплом и заботой она смотрит на него. У него забилося сердце, а во рту всё пересохло. Он аккуратно положил на её плечо руку и присел рядом, облокотившись на прилавок.

— Тамара, пойми, пожалуйста, я не умею "не один" — попытался опять сам себя обмануть — У меня не получается, с тех самых пор, когда ещё что-то могло получиться, а сейчас...

— Ну, а что сейчас? — Настойчиво спросила Тамара.

— Честно. Мне просто страшно, — он сказал то, что боялся, но оно вылетело произвольно.

Она молчала и внимательно продолжала смотреть на него. Было слышно, как ложка в кружке ускорялась. Она резко убрала руку от ложки и отставила чай. И чуть наклонилась к Виктору.

— Поверь, это нормально, когда страшно. Мне тоже сейчас страшно, но одному ведь ещё страшнее.

Виктор опустил глаза и решил ничего не отвечать. Они немного посидели в тишине, глядя в окно, за которым уже давно не было ни светлого дня, ни того самого настроения, которое немного было лучше, чем в прошлые дни. Тамара встала и провела рукой по голове Виктора, так нежно, что у него пробежали мурашки от удовольствия.

— Я побегу, у меня ещё смена. Ты звони, хоть иногда или забегай, я всегда тебя рада видеть.

— Спасибо большое, Том. За книгу и за... за всё...

Она кивнула и исчезла бесследно, как мышка, которая стащила со стола, что-то вкусное и пытается быстро и беззвучно скрыться с места преступления. Виктор остался опять в той самой, мрачной тишине, которую он всем сердцем ненавидел. Он вертел в руках "Мастер и Маргариту", и взглядом рассматривал старую фотографию, приклеенную скотчем к краю прилавка сбоку, где её и не сразу заметишь. Пашка, совсем ещё мелкий, с беззубой улыбкой и

лопоухим зайцем в обнимку. Виктор улыбнулся краем губ. Хороший пацан растёт, уже и не заяц, но ещё и не взрослый. Ничего. Выкрутимся. Куда я денусь.

Поздний вечер наступил для Виктора неожиданно, он только вроде общался с Тamarой, думал о сыне, а тут уже слышит стук и голос Лёши.

— Витька, привет! Ну что погнали? Коньяк сам себя не выпьет. — Лёша с улыбкой поприветствовал старого друга.

— Привет, хитрец! Щас, погоди, дай куртку накину хоть, — сказал Виктор, и у него сразу же поднялось настроение.

Алексей, мужчина, среднего роста, среднего достатка и средней удачи по жизни. Ему везло немного больше чем Виктору. Но не больше чем Гагарину. Лёша, это человек позитив, он всегда был в приподнятом настроении и с оптимистичным взглядом на жизнь. Физиономия у него была немного хитрая, но в то же время, его харизматичные черты лица, быстро отбирали эту мысль. Он любил ходить в своей неизменной черной кожаной куртке, которую ему когда то муж сестры привез из Европы. Качественная, импортная. А под ним, в холодное время года, свитер до подбородка.

В потёмках, они, как мотыльки на свет, топали к ларьку Ашота. А тот уже заждался их. Он встретил друзей широкой улыбкой и крепким рукопожатием. Всё уже было накрыто. Ящики, три гранёных стакана и разложил на газетке нарезанной яблоко и открытую упаковку печенья.

— Заходите, гости мои дорогие! — закричал он, увидев своих товарищей. — Я уж думал Виктор совсем забыл, но потом я увидел через витрину, как Лёшка подъехал и сразу понял, веселью быть!

— Конечно быть! Кто же просто так пропускает армянский коньяк? — засмеялся Лёша. — Доставай свой "Арабат"!

Коньяк был и правда очень хорошим. Душистый, мягкий и совсем не противный. Ашот разлил по рюмкам и они выпили, за хорошую жизнь. Разговор сразу полился ручейком, легко и без надрыва. Лёша травил байки про свою жену и тещу, Ашот всегда вставлял свои кавказские мудрости в каждый тост, а Виктор чувствовал себя, наконец-то комфортно, понимая, как его отпускает напряжение последних дней. Было тепло и уютно, несмотря на морось. Даже тот самый уличный фонарь мигавший на углу, казался приятным. После они выпили ещё по одной, и ещё. Вспоминали завод, когда Виктор с Лёшей трудились вместе, общих знакомых и веселые случаи из своей жизни.

— Вить, ну ты помнишь хоть, как ты на заводе телек уронил? — спросил Лёша, закусывая яблоком. — Прямо со стола, плашмя. Мы думали, всё какюк аппарату и Витю сократят, телевизоры тогда такие стоили, больше наших трех зарплат. А он ещё три дня отпахал, пока ты его зачем то разобрал.

— Ещё бы не помнить такое, — кивнул Виктор. — Там кинескоп чудом уцелел, я же его не просто так разобрал, он мигать начал. Я его подшаманил, что он ещё год работал.

— Золотые руки у этого человека, — подхватил Ашот. — Я всегда говорил, Витька наш мастер. Такие сейчас редкость. Жаль потенциал пропадает зря.

Руки и правда были у Виктора, то что надо. Правда толку с них не было в девяносто восьмом. Времена тяжелые. Впрочем, сейчас он об этом думать точно не хотел. Он наблюдал, как за витриной ларька капает дождь, как дрожит свет в окнах домов, а ему было почти хорошо.

Прошло ещё примерно около часа, Лёша заметно захмелел. Виктор, ощущал сам, что пьян, но не чтобы сильно, больше приятно. А Ашот уже клевал, проваливаясь в свои короткие сны, из которых он быстро приходил в себя, когда слышал слово "тост".

— Мужики, а не пора ли нам пора? — сказал наконец Лёша. — Завтра всем на работу, у меня вообще смена в восемь утра.

— Это да, надо бы уже расходиться, а то я свой ларёк не открою до обеда — зевая ответил Ашот. — Вить, ты как? Дойдешь?

— Да брось, я его довезу, — не услышав ответа вклинился Лёша. — У меня же машина вон стоит. Нечего пешком по ночному городу шляться.

— Лёш, ты руль удержишь? — насторожился Ашот.

— Плёвое дело, не первый раз. Не волнуйся брат, — обнадежил Лёша в ответ.

Они прощались с Аштом, обнимались, целовали друг друга в щёки, всегда добавляя — "По-брежневски" — и смеялись. Виктор забрался в старенькую Лёшину "копейку", салон которой пропах бензином и табаком. Двигатель чихнул, машина дернулась немного назад, завелась и они поехали.

Воронеж ночью был спокоен и прекрасен. Встретить ещё одну машину было не так просто, только редкие огни фонарей скользили по мокрому асфальту, провожая "копейку". Лёша свернул на мост через водохранилище и немного добавил газу, и так ревущему мотору. Виктор упёрся головой в окно и невольно засмотрелся, как внизу переливалась вода, а в небе, в разрывах туч, зажглись маленькие яркие точки. Звезды были холодными, какие бывают только поздней осенью. Виктор взялся за ручку стеклоподъёмника, и активно начал открывать окно. Он высунул голову на улицу и почувствовал, как салон наполняется влажным ночным воздухом. Очень сильно ударил в нос запах реки. Кваканья лягушек уже не было несколько месяцев — они уже были готовы к спячке. Запах речки смешивался иногда с запахом трамвайных путей. Но Виктор в этих запахах ощущал свободу. Ту, которую он уже давно потерял, загнав себя под прилавок салона "Орион".

Кассета. Глава 5

Лёша довез Виктора почти до подъезда, дальше он не мог ехать, в асфальте были слишком глубокие ямы.

— Тебя до подъезда проводить?

— Да хватит тебе, дойду сам. — отмахнулся Виктор. — Не маленький. Спасибо, что довёз, Лёш.

— Давай беги. Не за что. На связи если что.

Виктор вылез с машины, глубоко набрал в лёгкие ночной воздух, и медленно поковылял в сторону своего подъезда. В подъезде царила тишина и мгла, только на втором этаже на последнем издыхании светила лампочка, будто скоро потухнет. Он поднялся вверх по скрипучей лестнице на третий этаж. Долго возился с замком, который иногда заедал, и наконец оказался в своей коммунальной квартире. Прошёл по длинному коридору коммуналки, в темноте нащупал второй ключ, уже от своей комнаты, и зашёл. Внутри пахло пылью, одиночеством и чем-то старым, что он не мог определить. Он не раздеваясь, упал на кровать и почти сразу заснул.

Суббота прошла почти незаметно, проснувшись около полудня Виктор долго валялся в постели, рассматривая побелку на потолке, и слушал, как за стеной соседи смотрят телевизор. На кухне кто-то стряпал, только и было слышно звон кастрюль и звук ножа, который нарезает что-то мелко-мелко. А где-то в дальней комнате, кто-то отмечал то ли день рождения, то ли какой-то другой праздник, в общем, веселье доносилось оттуда иногда очень громко. Виктор не завидовал, он уже давно никому не завидовал. Просто лежал и думал, что прошел очередной день, а он так и не разобрался с алиментами, с чувствами к Тамаре, с салоном и кассетами, которые стояли и ждали его внутри его каморки, на другом конце города.

Когда на кухне немного стало тише, он отправился к холодильнику чтобы себе пожарить яичницу и попить чаю с печеньями, которые лежат у него больше месяца. После стряпни, Виктор вернулся в свою берлогу и читая газету, не заметил, как он всё уже съел. Допив чай, он ещё раз лениво лёг на кровать и лежал на ней до самого вечера, а после и вовсе уснул.

В воскресенье он проснулся рано, и решил, что стоит выйти из дома. Он умылся, накинул пальто и пошагал на рынок. Купил себе хлеба, молока, яиц и пачку дешевых сигарет. Погода сильно испортилась. Было ощущение, что небо вот-вот упадёт, тяжелое, серое. А после того как Виктор оказался дома, зарядил мелкий дождик, отбивая у него на подоконнике барабанную дробь, который через несколько минут перешел в мелкий мокрый снег. Он заварил чай, сел у окна и долго смотрел, как снежинки разбиваются о грязное стекло. В такие дни особенно тяжело было сидеть одному. В такие дни он почти готов был позвонить Ольге и попросить разрешения увидеть Пашку, но он этого не делал, просто не мог.

Вечером он наугад достал с полки книгу. Это был Достоевский "Идиот". Виктор открыл её в случайном месте, прочитал несколько страниц и понял, что мысли всё время убегают в сторону. Его начал тянуть опять груз ответственности, даже в день отдыха, он не давал себе расслабиться и немного дать мозгам отдохнуть. Виктор помыкался, закурил, упал на кровать, так и уснул с сигаретой в руках. Он резко подскочил, когда сигарета начала жечь ему пальцы, он затушил окурок, а точнее то что от него осталось, повернулся на другой бок и уснул.

Понедельник не стал открытием для Виктора, он был таким же ноябрьским, серым и грязным. Но сегодня рабочий день, поэтому дальше валяться было нельзя. На кухне уже кто-то шарпал тапочками по кафелю, и Виктор решил присоединиться, он очень хотел утреннего кофе, без него он не может не начать день, иначе день пойдет насмарку. После того, как он умылся и накинул одежду, на кухне уже была тишина. Он вскипятил себе воду и пошмыгал обратно. За кружкой кофе, Виктор раскидывал в голове план на сегодняшний день. Посчитать

должников, перезаписать остатки, отдать уже готовое, посмотреть, сколько кассет есть, и самое главное, не забыть выйти на несколько остановок раньше, зайти к Серёге, посмотреть, что новое сейчас вышло в прокат и взять у него на перезапись. Виктор мысленно уже влился в жизнь, когда был в дороге до своего салона.

Доехав до остановки где был салон Сергея, Виктор увидел рядом ларёк, как у Ашота, где есть всё, и ничего нету. Главное, что в таких ларьках были всегда сигареты, а это то, что нужно было Виктору. Купив пачку сигарет и покурив у салона, он решил, что пора во внутрь. Он открывает дверь, подвеска из колокольчиков, висящие над дверью, оповестили хозяина, что у него посетители. Внутри было, почти как у Виктора, линолеум, непонятный прилавок, пару телевизоров, и полки с кассетами. Единственное, что он заметил тут новое, это стеллаж, который был доверху забит кассетами. Из прилавка вылез мужчина, лет тридцати пяти, сорока, бритый, темненький, со всеми волосами на голове, глаза были серые, и короткая борода с усами. Он был невысокого роста, одет в джинсы, свитер из-под которого торчал воротник джинсовой рубашки, а на руке красовались часы "Casio Vintage".

— Привет Витька! Блин, ну ты чего не заходишь то? Уже больше месяца не виделись. — обрадовался мужчина за прилавком.

— Здорова Серега! Да я что-то засиделся в своем подвале, решил вот заскочить, узнать что нового.

— Да, брось ты, что нового? Всё тоже самое. Кассет вот много новых, я тебе могу дать штук пять на запись. Но у меня просьба Вить одна, большая. Посмотри вот этот видик. У него голова там барахлит, я даже не стал лезть, ты знаешь, я не спец.

— Давай я себе его заберу, и у себя в салоне починю, а ты будешь мимо ехать, заберешь?

— Вообще не вопрос. Как там Пашка с Олькой?

— Да вот нужно доехать. Денюшку отдать и поговорить.

Они ещё долго общались, о своих старых знакомых, вспоминали кто где, у кого что случилось. Сергей налил кофе, они вышли покурить на улицу, болтали ещё около часа, пока Виктор не решил, что пора бы уже ехать к себе в салон.

— Ну всё Серег, я поехал, положи всё в один пакет, видик и кассеты на перезапись. Я тебе что-то должен?

— Брось Вить, ты чего такое несешь. Пусть твоя плата будет, это починка этого видика. — улыбнулся Сергей

— Добро! Ты заезжай через пару дней, я думаю я его уже подделаю.

— Я тебе наберу!

— Давай Серег, рад был повидаться!

— Взаимно, Вить!

Мужчины пожали руки улыбаясь и разошлись дальше по своим жизням. Сергей вернулся в свой салон. А Виктор направился на трамвайную остановку. Как раз где то в дымке видел, что он уже приближается. Так и было, стук колес это подтвердил, потому что Виктор уже в мыслях был готов идти пешком. Виктор вернулся в салон. И когда он открыл дверь и вошёл внутрь, то сразу почувствовал, что за те два дня, что его не было, в салоне что-то изменилось. Не внешне. Внешне всё было на своих местах. Но воздух стал другим. Более плотным и более тяжёлым. Как будто здесь кто-то был. А может показалось и нужно просто проветрить окно. Но проветривать он не стал, вместо этого он закрыл дверь и поставил пакет, который ему дал Сергей, на прилавок.

Виктор достал из кармана пачку сигарет, это была не прима, а какие-то новые недорогие сигареты. На темно-синей пачке, прямо на крышке были набиты два слова "Союз Аполлон". "Союз" был напечатан белым цветом, а "Аполлон" ярко-красным, выбиваясь и выделяя это слово на фоне всей композиции, а немного ниже уже на самой пачке было добавлено белыми буквами "Особые". На самой пачке красовался маленький спутник, который летает

вокруг синего круга, так автор рисунка, наверное, хотели изобразить землю, которая вписалась по цветовой палитре. Виктор открыл пачку и почувствовал запах сигарет. Это была примесь смолы и табака, запах не был противным, но и не самый приятный, особенно для тех, кто не курил. Он достал из пачки сигарету, покрутил её в пальцах, чтобы взбить внутри немного табак, и сигарета лучше тянулась и закурил. Дым застелил весь потолок салона, но Виктор так давно не курил сигареты лучше примы.

Закончив курить, он поставил чайник, а сам пошел разбирать пакет от Сергея. Видеомагнитофон, довольно свежий "LG", жаль, что он так быстро сломался. Пять штук кассет, все с аккуратными наклейками на торцах, на которых Серёга своим мелким, почти ученическим почерком вывел названия. "Брат", "Достучаться до небес", "Пятый элемент", "Семь" и "Криминальное чтиво". Некоторые фильмы он уже знал, но смотрел их в плохом переводе, Виктор понадеялся, что на этих будет хороший перевод и качество картинки. Виктор хмыкнул, покрутил в руках последнюю кассету и отложил её отдельно. «Криминальное чтиво» он хотел посмотреть давно, но всё не доходили руки. Может, сегодня, когда закончит с перезаписью и разберётся с должниками.

Залив заварку кипятком, Виктор принялся за работу. Видеомагнитофоны привычно зажужжали, а на экране пошла рябь. Виктор откинулся на стуле и сделал глоток горячего чая. Он смотрел, как бегут полосы на экране и думал о том, что Серёга очень неплохо устроился. Салон у него был не в доме и не в подвале, а отдельным зданием, с одной стороны "Прокат", с другой стороны "Хозяйственный", но второй магазин не его, вроде бы двоюродного брата, а может мужа сестры, в общем, кто вообще такое запоминает. Место у него посolidнее, и удобнее, больше проходняка. И тут Виктор задумался, а не продать бы ему этот подвал и взять себе какой-нибудь уголок в торговом центре, например в "Утюжке". Хотя там этого проката навалом и люди ходят толпами, суета. Виктор не любил суету, ему лучше там, где спокойно, но стабильно. Он выбросил эти мысли из головы так же быстро, как они к нему и пришли. Переписав две кассеты подряд, Витя сделал себе перерыв и заварил ещё кофе. В салоне было тихо, только гудела техника. Он выглянул в окно, мокрого снега, который шёл с утра, уже не было, и теперь на асфальте блестели лужи. Прохожие всё так же кутались в пальто и спешили по своим делам. Обычная погода. Обычный день. Обычный ноябрь. Виктор допил кофе, раздавил сигарету и снова сел за работу. К обеду он закончил с перезаписью, отсортировал готовые кассеты и разложил их по коробкам. Теперь нужно было разобраться с должниками.

Он взял тетрадку и пробежал глазами по списку. Фамилии, суммы, даты. Сергеевы должны были пятнадцать рублей за «Титаник». Михалыч — пять рублей за «Апокалипсис сегодня», который он не вернул с прошлой пятницы и, кажется, забыл о нём напрочь. Дальше шли ещё три фамилии: Кузнецовы, Зинаида Павловна из дома напротив и молодой парень, имени которого Виктор в спешке не записал, а обозначил просто «студент с Остужева». За каждым висел долг в несколько рублей. В сумме, если все сдадут, получалось около сорока. Может, чуть больше. Виктор почеркал ручкой по бумаге, прикинул и решил, что это того стоит. Можно будет отдать Ольге хотя бы часть и не чувствовать себя последней сволочью.

Он накинул куртку, проверил карманы, всё было на месте: ключи, сигареты, зажигалка. Виктор вышел на улицу. Дверь запер на два оборота и подёргал ручку. Привычка. Салон он всегда запирает тщательно, даже если отходил на пять минут.

Ноябрьский воздух был сырым и холодным. Лужи на асфальте подёрнулись тонкой коркой льда, и она хрустела под ногами, когда Виктор шагал по тротуару. Небо, как всегда низкое и свинцовое, но дождя пока не было. Он сунул руки в карманы и быстрым шагом направился к дому Сергеевых, который находился в соседнем квартале. Идти было минут семь, если срезать через дворы.

Сергеевы жили на втором этаже старой кирпичной трёхэтажки. Виктор поднялся по лестнице и постучал в обитую дерматином дверь. Раньше было модно обшивать двери дермати-

ном, главное это узор оббивки, кто-то делал с красивыми декоративными гвоздями с широкими шляпками, а кто-то просто обшивал, без узоров, простыми гвоздями. Но этому было и практичное применение, оно очень хорошо защищало от холода, надёжно закрывая все щели и сохраняя драгоценное тепло в квартире. Ему открыла женщина лет сорока, в тёмном платке и с уставшим лицом. Узнала его, кивнула и, не дожидаясь объяснений, сказала:

— Знаю, знаю. Муж сегодня как раз зарплату получил. Проходите.

Она выдала ему пятнадцать рублей бумажками и мелочью, извинилась за задержку и даже предложила чаю. Виктор вежливо отказался, записал долг погашенным и пошёл дальше. Следующим был Михалыч, который жил в частном доме через дорогу. Тот встретил его на пороге в майке, трениках и с удивлённым лицом, будто видел впервые. Деньги он нашёл не сразу, долго рылся в ящиках комода, но в итоге отдал пять рублей мятыми бумажками и ещё раз переспросил, какую кассету он брал. В доме у него пахло перегаром и жареным луком. Виктор взял деньги, коротко кивнул и вышел на улицу, пока хозяин не начал вспоминать старые времена.

К Кузнецовым он не пошёл, по пути вспомнил, что они уехали к родственникам до среды. Зинаида Павловна сама вышла ему навстречу, когда он проходил мимо её подъезда. Протянула три рубля и долго извинялась, что не занесла раньше. Со студентом вышло сложнее, нужно было ехать несколько остановок до него. Трамвай был полупустой, дребезжал на стыках, и Виктор, сам того не заметив, задремал, привалившись головой к холодному стеклу. Разбудил его голос кондуктора, объявившего остановку. Приехав на место студента дома не оказалось. Виктор черкнул записку, сунул её в щель между дверью и косяком и отправился обратно.

К тому времени, как он закончил обход, начало темнеть. Назад он решил пройти пешком. Город зажигал фонари, но не все сразу, а как-то вразнобой, будто каждый столб решал сам, пора ему загораться или ещё подождать. Виктор шёл мимо старых домов с облупившейся краской, мимо гастронома, где в витрине всё ещё стояли стеклянные пирамиды с консервами, мимо сквера, в котором когда-то гулял с Пашкой. Теперь сквер был пуст и засыпан мокрыми листьями.

Он остановился у ларька, купил ещё одну пачку «Союза Аполлона», больно они ему понравились и заодно взял вафельный стаканчик мороженого, просто так, без повода. Продащица, молодая девушка с ярко накрашенными губами, улыбнулась и пожелала хорошего вечера. Виктор улыбнулся и отошёл к скамейке. Мороженое было ледяным и чуть сладковатым, как в детстве. Он ел его, глядя на проезжающие машины, и думал, что сегодняшний день получился не таким уж плохим.

Вернувшись в салон, он скинул куртку и пересчитал деньги. Сорок два рубля. Не густо, но и не пусто. Он отложил тридцать в конверт для Ольги, а остальное убрал в жестянку из-под чая, где хранил мелочь на хозяйственные нужды. Постояв немного у окна, глядя на улицу, Виктор задёрнул штору и включил лампу. В салоне стало почти уютно. Он заварил чай, сел за прилавок и взял в руки кассету с "Криминальным чтивом". Может, и правда сегодня посмотреть. Просто чтобы отвлечься. Кассета была новая, ещё в заводской упаковке, которую Серёга, судя по всему, даже не вскрывал. Виктор стянул целлофан, вдохнул запах свежей коробки, это была смесь типографской краски и глянцевого картона. Он уже потянулся к видеомagnитofону, но взгляд упёрся в коробку. Она стояла на своём месте, под газетой, тихая и незаметная. Виктор замер. Между ним и коробкой было всего два шага. Он сделал один и остановился. Нет. Точно не сегодня. Он выдохнул, вставил кассету "Криминального Чтива" в магнитофон и расплзся в кресле напротив телевизора.

На экране мелькали лица Траволты, Турман, Уиллиса, Джексона. Виктор не знал всех по именам, но лица узнавал сразу же. В салоне было тепло и спокойно, только магнитофон гудел да за окном иногда шелестел ветер. Когда пошли финальные титры, он выключил телевизор и потянулся. Шея затекла, но это была приятная усталость, та, что бывает после хорошего

фильма, когда не жалко потраченного времени. Он перемотал кассету на начало, убрал её на полку и подошёл к окну и немного открыл штору. За стеклом было темно и пусто. Фонарь на углу всё так же горел через один, и в его свете кружились редкие снежинки.

Кассета. Глава 6

Виктор стоял у окна и докуривал последнюю сигарету, телевизор мигал рябью, и звук видеомэгнитофона, который жужжал от того, что перематывал кассету. Он уже не мог оставаться в салоне, и эта мысль ему пришла после того, как он осмотрел свой подвальчик. Стены будто сжимались, воздух казался плотным, а запахи пыли и нагретой изоляции на миг показались чужими. Он посидел ещё немного, глядя на рябь на экране и представил свою квартиру. Там было спокойствие, без давящих стен и лишних запахов. Он просто захотел домой, в свой уют. Без кассет, без мистики и без ощущения что за ним кто то наблюдает.

Недолго думая, отбросив все сомнения, он встал и пошел собираться. Выключил технику, накинул своё пальто. Проверил всё ли на месте в его карманах. В правом кармане пальцы наткнулись на какой-то сверток, бумагу, которого он явно не помнил. Виктор вытащил его из кармана и развернул. Это был кусок бумажки из его тетради, той самой, где он вел свою "бухгалтерию". На этом листе было написано, его же почерком, "Кривая, д.14" и ниже, только очень мелко, "12 декабря 1991". Он вертел листок в руках и не мог понять, когда и зачем он это написал. Адрес вроде знакомый, но в голову не лезло откуда он его знает, воспоминание ускользнуло, как обрывок сна, который тает, когда открываешь глаза. Дата тоже ничего ему не сказала, просто цифры. Но внутри, где-то под ребрами, появилось очень неприятное ощущение. Это не было похоже на страх или испуг, скорее холодок недоумения, какой бывает, когда находишь чужую вещь в своем гардеробе и не понимаешь, как она вообще туда попала. Почерк-то его, и тетрадь тоже. А может это адрес, какого-нибудь должника? Подумал Виктор. И отмахнулся от этих мыслей.

Он хотел выбросить эту бумажку, но вместо этого сунул обратно её в карман. Потом разберется. Сейчас нужно было покинуть этот скучный подвал. Выйти на свежий воздух, вдохнуть ноябрьскую сырость и забыть о этих дурацких мыслях. Он обвел свой салон взглядом. Все вроде бы было на своих местах. Даже коробка, в которой были эти странные кассеты, стояла на месте, так же прикрытая газетой. Он хотел подойти к ней, но вместо этого выключил свет, развернулся и запер дверь снаружи. На два оборота и подергал ручку. Привычка.

В девяностых вообще появилось много привычек. Воровство, грабежи, кражи стали обыденным делом, поэтому даже самые надежные двери могли не спасти от такой напасти. Убийства, погромы, бандитизм, всё росло в непомерном объеме. Где-то что-то отжимали, забирали, приватизировали. Жизнь в это время была опасной, если ты в эти опасности сам себя загонял. Но этими людьми не были Виктор, Ашот или Лёша. Все занимались своими делами, никто ничего не крал, и не приватизировал. Они честно купили свои места, и развивали по мере своих возможностей. Виктор иногда вспоминает свои первые дни в салоне, когда это был просто заброшенный подвал возле трехэтажки. Вычищал он его неделю, а может и больше. Лёша тогда ему помогал. Они выносили старую мебель, меняли окна, красили стены и ездили на рынок за новым линолеумом и телевизором. "Да, было время" - подумал про себя Виктор. Когда то все начиналось, а сейчас это обыденность, которая съедает его изнутри.

На улице было холодно и влажно, но не противно, как это обычно бывает в такое время года. Ночной воздух пах дорогой, прибитой пылью и сырой листвой, которая лежала кучками у подъездов. Виктор поднял воротник и направился в сторону Ашота, который ещё светился оранжевым в конце домов. Ашот, как всегда сидел внутри, читал газеты и курил. Виктор незаметно подкрался и решил напугать друга. Он резко выскочил в окне витрины и закричал.

— Еб твою мать! — Ашот подпрыгнул на месте, сигарета выпала изо рта, а газета смялась в гармошку. — Витя, блядь, черт тебя побрал!

— Ашот, ну ты хоть по сторонам смотри. — громко засмеялся Виктор.

— Да ты сумасшедший, так людей пугать. Ты хочешь, чтобы меня insult вдарил? — ругается Ашот, стряхивая пепел со свитера от упавшей сигареты.

— Ну а, что. Сидишь тут, скучаешь. — захлебываясь от смеха, сказал Виктор.

— Ай, да иди ты в жопу! Чего тебе? — Ашот немного уже отошел от шока, и сам начал улыбаться — Негодяй блядь.

— Дай мне пожалуйста новый "Союз Аполлон", в синей пачке. А и спички.

— Ты чего сегодня поздно? Опять тут ночуешь, что ли?

— Нет, сегодня домой поеду. Надоело тут ночевать, спина отваливается, от этого дивана.

— Правильно, дорогой. Дома все есть и поспать, и поесть, и помыться. А ты сидишь в своей пещере, как этот... как его... — Ашот пощёлкал пальцами, подбирая слова.

— Эдмон Дантес, из замка Иф? — подсказал Виктор и невольно усмехнулся

— Да, да! Он самый. В камере сидел, только ты по своей воле сидишь, а его туда насильно.

Ашот протянул сигареты и сдачу Виктору. Виктор взял сигареты, но сдачу оставил Ашоту, потому что тот его недавно угощал весь вечер. И направился в сторону трамвайной остановки.

— А сдачу, Вить!? — Ашот крикнул вслед.

— Да оставь себе, хватит, ты и так нас угощал. Спасибо тебе! — Виктор отмахнулся.

— Это тебе спасибо, дорогой! Хорошей дороги! До завтра!

— Пока!

Последний трамвай подошел быстро. Это трамвай ходил только по правому берегу Воронежа, поэтому Виктор осознавал, что ему придется идти пешком по мосту через водохранилище, и ещё немного внутри центрального района. Он зашел внутрь, обилетился у кондуктора и уселся у окна. Вагон был почти пустой, рядом сидел молодой парень в наушниках и с плеером в руках. В модных джинсах и почти новой кожаной куртке. Мужчина, со спортивной сумкой через плечо, по нему было видно, что возвращался со смены, уставший и не очень-то довольный. И почти в конце вагона кондукторша, которая упала на заднее сиденье. Конец дня. Виктор внимательно смотрел, как проплывает ночной Воронеж. Огни фонарей размазывались по влажному асфальту, витрины магазинов были темные, только изредка мелькали освещенные окна жилых домов.

Мысли были спокойными, Виктор вспоминал сегодняшний день, как он прошел и что он сегодня сделал. Был у Сереги, взял новые фильмы для проката. Закрыв долги, не все, но уже часть денег отбил и есть что отдать Ольге и сыну. И просмотр хорошего кино, который запал ему в душу. Особенно актерская игра Траволты и Джексона. Хороший день. Продуктивный. Он подумал ещё раз о сыне, о том, что завтра скорее всего доедет до семьи, отдаст деньги Ольге, и может быть даже погуляет вместе с ними. Поесть мороженого, хоть и было уже холодно, но всё же. Пашка любил мороженное, он его ел даже зимой. От этих всех мыслей у Виктора потеплело внутри, и он поймал себя на том, что почти улыбается.

Трамвай дернулся на стыке рельсов и Виктор отвлекся от своих мыслей. За окном проплывал мост через водохранилище. Длинная темная лента, которая подсвечивалась редкими фонарями. Это была его остановка. Он так давно хотел погулять по ночному городу, как в студенчестве, когда все было просто и понятно. Он вышел из трамвая, и проводил взглядом одинокий вагончик. Виктор остался один, вокруг была тишина и пару фонарей. Было тихо и только у берега, где то у моста, лаяла собака, и ветер гудел на проводах. Он закурил, поправил ворот на пальто и медленно пошагал в сторону моста. Водоохранилище встречало его холодом, сильным ветром и запахом воды. Тот самый запах, когда Лёша вез его домой после посиделок у Ашота. Запах спокойствия и свободы.

Когда он зашел на мост, лая собаки уже не было, только ветер бил по ушам своим гулом. Он шел медленно, наблюдая за звёздным небом и молодым месяцем. Вода внизу была черной, и только свет от месяца дрожал на поверхности, разбиваясь о невидимые волны. Красиво.

Виктор докурил и решил остановиться почти у середины моста, постоять и насладиться видом по полному. Машины ездили редко, раз в пять минут, а то реже. Мост был большим, массивным, двухъярусным. Сверху проходили трамваи, а снизу автомобили. В те времена когда его строили, это был прорыв в мостостроении и инженерии в Советском Союзе. Таких объектов по всему Советскому Союзу тогда построили единицы. Виктор постоял и направился дальше. Он плелся и думал о том, как же ему сейчас хорошо, несмотря на то, что погода ухудшилась. Он смотрел на воду, на месяц, на редкие огни машин, проезжающих по мосту, и чувствовал, как внутри разливается покой. Виктор так же подумал о завтрашнем дне, о том, что нужно будет обязательно заехать к Ольге, отдать деньги, повидать Пашку. Может, даже сводить его в кино. В "Пролетарии" как раз шёл "Армагеддон", а Пашка любил фильмы про космос.

В конце моста он решил, что хочет спуститься к воде и посидеть на берегу. Здесь было тише. Ветер почти не доставал до этого места, и только плеск волн о камни нарушал тишину. Виктор сел прямо на траву, вытянул ноги и закурил снова. Он прилёг на бок, облокотившись на локоть и рассматривал тот берег, откуда он только что пришел. Виктор поёжился, тепла, как при движении уже такого не было, поэтому он застегнул пальто на все пуговицы. Наверное, уже было пора идти домой. Он только собирался встать, как увидел, что-то недалеко у опоры моста. Что-то белое в воде, колыхалось на волнах. Скорее всего мусор. Тряпка или пакет. Но волна приподняла это что-то. Виктор попытался присмотреться в темноте, что это за очертания. Рука? Или ему показалось. Он привстал, сделал шаг вперед в полуприсяде и ещё раз прищурился. На коряге пакет? Он сделал ещё шаг. Виктор остолбенел. Он вытянулся и продолжал смотреть не открывая взгляд. То, что он принял за корягу, оказалось телом. Это была женщина. Она лежала лицом вниз, запутавшись в мусоре у опоры моста. Вода колыхала её рваное платье. Платье в горошек. Бесцветное из-за темноты, но Виктор знал этот узор. Он видел его на кассете. Сначала синим, потом красным. А теперь и мокрым, облепившим мертвое тело.

Виктор стоял и не понимал что ему делать. Внутри как будто все оборвалось и полетело куда то вниз, как в тот момент когда он увидел фигуру на второй кассете. Внутри был даже не холод, а разряд адреналина по всему телу. Шок был такой силы, что Виктор даже забывал дышать, он смотрел на тело, и не понимал что делать дальше. Это уже не была кассета или запись. Это была реальность. Его реальность. Водохранилище, труп, берег, он. Ветер будто ещё сильнее усилился, начиная пробираться холодом до самых костей. Он начал пятиться назад, но споткнулся о валун и упал на колени. Руки дрожали, глаза стали мокрыми. Он судорожно полез в карман за сигаретами и спичками. Хотя Виктор прекрасно понимал, что это глупо, закуривать сейчас, нужно бежать отсюда. Звонить в полицию, что-то делать. Предпринять какие-то действия. Но он не мог. Просто не мог. Внутри все стало клином. Он просто сидел на влажной траве и смотрел на тело. Во рту была сигарета и он не мог даже её подкурить, и пошевелиться.

Он решил все-таки закурить. Он зажег спичку, пламя вспыхнуло и тут же погасло на ветру. От холода и шока, пальцы не слушались. Он чиркнул снова, прикрывая рукой от ветра, затаился. Дым ударил по горлу, но ему было тогда все равно. Он смотрел на воду и не мог отвести взгляда. Ему тогда казалось, что прошла целая вечность, пока он сидел, на корточках, с сигаретой в зубах и бешено колотящимся сердцем где-то в горле. Мысли в голове прыгали, как блохи по уличной кошке. Он не мог поймать не одну из них, но он понимал, что нужно всё таки что-то сделать. Встать, может подойти, или вообще бежать. Бежать, не оглядываясь, и забыть всё это, как страшный сон. Но он знал, что сны не забываются, сны, особенно в которых умирают люди, остаются навсегда. А этот сон, был самой настоящей реальностью, что он видел в своей жизни.

Ноги начали затекать от такого положения, и он решил подняться и сделать шаг к воде. Ноги дрожали, как у новорожденного теленка. Ещё один шаг. Холодная вода коснулась подошвы ботинка и он ступней ощутил холод. Он пытался взглянуть ещё раз в темноту, пытаясь найти то, что он видел пару минут назад. Мертвое тело, в платье, с узором напоминающего

ему платье из кассеты. Но на месте ничего не было. Только какие-то бутылки, пакеты и коряги, которые бились вместе с волнами о бетонную опору моста. Он затянулся посильней, протёр глаза и ещё раз всмотрелся. Ничего. Нет. Пусто.

Виктор выдохнул, но тревога второй волной накатилась на него изнутри. Вроде бы показалось. Ну конечно же показалось. Переутомление, стресс, чертовы кассеты и этот подвал, с ума сводят. Он уже начал себя убеждать, что это коряги так поблескивали на свету от ночного неба, что он принял желаемое за действительное, точнее страшное за реальное. Он даже усмехнулся про себя, истерично и надрывно. В этот момент, ветер немного стих и стало немного тише. Он ещё раз взглядом пробежался по берегу, и увидел, что на ржавой арматурине, в том самом месте, где только что был труп женщины, висит лоскут старой ткани. Рванный и выцветший. Будто привязан к металлу, как флаг. Это было платье в горошек.

Виктор перестал дышать. Он смотрел на лоскут и ничего не мог понять. Чувства переполняли его, мир вокруг него сузился до размеров этой тряпки. Это были не галлюцинации, не фантазия или не игра света. Всё происходило здесь и сейчас. Так же как он общался сегодня с Серегой, и как Михалыч, который встретил его с перегаром. Он зачем то протянул дрожащую руку и сорвал часть ткани с арматуры. Она была ледяной и мокрой, от неё пахло сыростью и чем-то сладковатым, чего он сам не мог понять. Он скомкал её в кулаке и сунул в карман, чтобы просто не видеть.

А потом он просто сорвался с места, и побежал, не оглядываясь, не чувствуя ни ног, ни себя. Он бежал вверх по откосу от моста. Его шаги гулко отдавались от бетонных плит. В голове не было ни одной нормальной и связной мысли, все было размыто. Всплывали только образы. Пашка. Женщина в платье. Ольга. Фигура в дверях. Ашот с Лёшей. Кассеты. Всё это смешивалось в один безумный и страшный хоровод, который гнал его вперед, в темноту, в сторону дома. Он бежал, и мир вокруг превратился в мрачный фон. Фонари, деревья, иногда проезжающие машины. Всё это было в голове у Виктора, как на бракованной видеозаписи. Он не чувствовал холода, не ощущал противного ветра, не замечал мелкой мороси и даже не обращал внимания на собственное тело. Только пульс в висках отдавался мощными ударами по голове и хриплое дыхание, вырывающееся из груди. И одна только мысль. Которая пульсировала где-то в глубине, как аварийный сигнал. Нужно домой. Домой. Домой.

Виктор не помнит как очутился возле подъезда, не помнил, как поднялся по лестнице и возился в полумраке с замком. Очнулся он уже в своей комнате коммуналки, привалившись спиной к запертой двери. В комнате было темно и тихо. Только из кухни через дверь доносился гул старого холодильника. Но это был безопасный звук, привычный, почти родной. Виктор сполз по двери на пол и несколько минут просто сидел, пытаясь отдышаться и привести свои мысли в порядок. Легкие внутри горели, ноги гудели, а перед глазами та картина. Вода, мусор, ржавая арматура и лоскут ткани, которой он сорвал, сам не зная зачем. Он скинул ботинки, которые уже до боли сжимали ступни. Он не раздеваясь добрался до кровати и рухнул на неё. Тело требовало отдыха, но мозг не давал, он прокручивал произошедшее, не давая себе остановиться хоть на минуточку. Виктор закрыл глаза и в момент провалился в глубокий и тяжелый черный сон без сновидений. Или это ему так показалось, что без сновидений, потому что утром он ничего не помнил.

Кассета. Глава 7

Потолок был ему не знаком, потому что Виктор не помнит, как оказался в своей квартире. Он спал в своей комнате, в своей кровати, но почему все выпало из головы. Только обрывки вчерашней дороги. Мост, месяц, вода. И всё. А дальше провал. Глухой, чёрный, будто кто то вырезал кусок плёнки и склеил концы наспех. Пустота, которая теперь висела над кроватью вместо потолка и давила на грудь. Он открывал глаза медленно, будто восстаёт из мертвых. Глаза то открывались, то закрывались вновь. В горле стоял ком, а во рту сушило. Виктор не мог прийти в себя. Головагудела, будто после самой веселой гулянки, где было выпито много алкоголя. К телу прилипала одежда от того, что она вся была влажная. Это ощущение дискомфорта со всех сторон сильно раздражали Виктора, но он не хотел вставать, чтобы это исправить.

Его глаза опять закрылись и он задремал. Но резко подскочил, от сухости во рту. Это было невыносимо. Он медленно спустил ноги с кровати и одной рукой попытался поднять своё бречное тело, но без помощи второй ему бы этого не удалось. Он сидел и пытался осознать, что сегодня за день, почему он дома и как он оказался в постели мокрый. Виски сдавливало, а в глазах стоял песок. Свет из окна сильной бил по глазам, от чего он сильно щурился и не мог открыть их нормально. Голова была тяжёлой, как чугун. Тело отозвалось тупой болью, мышцы ныли так, будто его сильно избили. Он думал, может и правда его кто-то встретил по пути, произошла перепалка. В это время это было частое явление. Драки, убийства, разбои. Он потрогал своё лицо ладонями, посмотрел на костяшки кулаков. Нет. Драки не было. Он целый и невредимый. Только штанина была измазана в засохшей грязи, будто он где то валялся.

На кухню он пошёл босиком, прилипая ступнями к холодному линолеуму. Очень хотелось пить, сухо было настолько, что по ощущениям у него не было даже слюны. Он открыл кран, наклонился, и всем лицом начал сбивать напор воды. Он жадно глотал воду и пытался хотя бы не много уменьшить головную боль. Вода была ледяной и пахла хлоркой, но ему было всё равно. Он встал над раковиной и упёрся руками в её край. Он стоял так около минуты, глядя на то, как капли срываются с подбородка и капаят в кастрюлю которая стояла в ней. Вода немного привела его в чувства, но головная боль не прошла, но стала глуше и терпимее. Он услышал, как кто-то из соседей идет на кухню и просто молча вернулся в свою комнату, никого не замечая и не заговаривая.

Кому расскажешь? Мысль эта появилась не впервые. Она уже крутилась где-то на задворках сознания, но теперь выплыла на поверхность и встала поперёк горла. Лёша? Да, он выслушает, конечно, он друг. Но даже Лёша решит, что Виктор переутомился, и посоветует выпить и выспаться. Ашот и вовсе не поймёт. Разведёт руками и скажет, чтобы он меньше сидел в своём подвале, потому что там у него уже черти заводятся. А Ольга Ольга просто положит трубку. Она и так смотрит на него, как на пустое место, а если он начнёт рассказывать про провалы с памятью, она решит, что он окончательно спятил. И будет права. С этим не идут к людям. С этим сидят в четырёх стенах и медленно, по капле, сходят с ума.

Он решил переодеться и навести себе чаю. Накинув сухую одежду и домашние тапочки, он вернулся на кухню, чтобы вскипятить чайник. На кухне уже никого не было. Пока чайник закипал, Виктор пытался восстановить все события, которые с ним вчера произошли. Помнит Ашота и трамвай, как шёл по мосту и темные улицы города. Это вся картина, которую он мог восстановить. Целый кусок жизни просто исчез, и на его месте зияла чёрная дыра. Он пытался напрячь голову, но виски сдавливало ещё сильнее. Внутри было лишь смутное ощущение, что случилось что-то нехорошее. То, о чем лучше не вспоминать, но оно сидело так глубоко внутри и скреблось оттуда, как мышь под половицей.

Чая у него не оказалось, но он внимательно осмотрел соседский столик и увидел, что у них было много разных. "Индийский", "Цейлонский", "Сорт первый" и "Брук Бонд". Он тихо

достал из коробки пакетированный "Брук Бонд" закинул в кружку и пошлепал обратно в свою комнату.

Виктор стоял в своей комнате и смотрел в окно, в одну точку. Так он простоял пока сигарета не обожгла ему пальцы, а в кружке не стало пусто. После он отвел взгляд и увидел на столе странный кусок ткани. Лоскут лежал на столешнице, аккуратно расправленный, будто кто-то специально положил его на видное место. Он подошёл и взял его в руки. Это был кусок от чей-то одежды, узор в горошек заставил его волноваться. Виктор уставился на него и не мог понять, откуда же он взялся. Кусок какой-то тряпки, для чего он, откуда. Непонятно. Но где-то в глубине души, в груди, шевельнулось то самое животное чувство, которое ему говорило о том, что это связано с этим провалом с памятью. С тем, о чем он забыл. С тем, что случилось этой ночью.

Отбросив этот лоскут обратно на стол, он подошел к кухонному уголку комнаты и достал мусорное ведро. Аккуратно двумя пальцами он скинул его в ведро, а ведро поставил на выходе, чтобы не забыть вынести мусор.

Виктор решил, что нужно привести себя в порядок и направился в душ. Он включил душ на полную и горячая вода хлестнула ему по плечам, немного обжигая. Это было первое по-настоящему приятное ощущение за сегодняшнее утро. Он стоял и просто наблюдал за тем как вода уносит серую пену в слив. Вместе с этим уходило и напряжение, которое сильно сковывало тело. После он решил побрить своё лицо. Из запотевшего старого зеркала на него смотрел мутный силуэт с всклокоченными волосами и припухшими веками. Жалкое зрелище. Но после того, как он побрился, лицо немного преобразилось и теперь этот человек хотя бы напоминал самого себя. Он переоделся, одел чистые вещи, а старые собрал в кучу и положил в отдельный таз, где у него была грязная одежда для стирки. В шкафу он нашёл старый свитер, который не носил уже год. От свитера пахло пылью и немного прошлой жизнью. И от этого запаха вдруг стало немного спокойнее.

Сегодня, нужно было съездить к Оле и Пашке. Виктор уже давно хотел, а деньги которые он накопил, хотя бы немного сгладят напряжение между ним и Ольгой. Он не стал выбирать лучший момент, а просто направился к телефону и набрал номер Ольги.

— Да, слушаю, — голос у неё был усталый, но не злой.

— Оль, привет, это я. Хотел узнать, я могу сегодня приехать? Деньги привезти. И Пашку повидать.

В трубке помолчали.

— Приезжай, да. Конечно. Пашка будет только рад. Ты через сколько будешь?

— Я сейчас соберусь и буду выезжать из дома.

— Хорошо, я тогда скажу Паше, чтобы он сейчас уроки доделал, пока ты в пути.

— До встречи.

Он положил трубку, внутри стало светлее и теплее. Он наконец-то поедет к сыну, отдаст деньги Ольге, чтобы та не переживала. Наконец Виктор ощущал себя нормальным человеком, который живет нормальную жизнь.

Сборы были недолгими. Виктор проверил содержимое карманов, чтобы убедиться всё ли на месте. Накинул пальто, взял ведро и направился вначале на мусорку. На улице было холодно и серо. Он постоял у баков, глядя на небо, после вернулся, запер дверь в комнату на замок и вышел на лестничную клетку. Закурив сигарету на ходу он не спеша направился к автобусной остановке. Тело уже было более послушным, мышцы перестали ныть. Голова уже не была тяжелой, скорее легкой и ясной. Автобус подошел быстро, Виктор даже не успел докурить. Выкинув бычок в лужу он забрался внутрь. Он оплатил кондуктору и уселся возле окна. В автобусе было нелюдно. Парочка, старая женщина с авоськой и пару работяг. Обычный рейс. В обычный день.

Автобус трясло в местах разбитой дороги. А это монотонная тряска убаюкивала. Веки наливались тяжестью, Виктор и не заметил, как задремал.

Ему снился мост, тот самый, по которому он шёл вчера. Только теперь он был пустым и бесконечным. Вода внизу была чёрной и неподвижной, как черное масло. Он остановился и посмотрел вниз. Оттуда, из темноты, на него смотрели трое. Мужчина, женщина и мальчик. Они стояли прямо на воде, не проваливаясь, и смотрели вверх прямо на него. Женщина была в платье, в горошек. Она подняла руку и медленно, очень медленно поманила его пальцем.

Виктор резко открыл глаза, дыхание перехватило, автобус тряхнуло на яме. За окном медленно плыли серые пятиэтажки. Ни моста, ни людей. Только кондукторша объявила остановку, и парочка вышла на остановке. Виктор вытер со лба пот, сердце колотилось где-то у горла. Он не хотел думать о том, что ему приснилось, и попытался всячески выкинуть эти мысли из головы. Просто усталость и нервы. Но образ женщины в платье стоял у него прямо перед глазами, и никуда не исчезал. Кондукторша объявила его остановку, и он направился к выходу.

Автобус тронулся. На остановке было безлюдно. Виктор остался один. Он постоял около минуты и закурил. Глубоко затянув сигарету, он выпустил дым в осеннее небо и направился в сторону дома Ольги и Пашки.

Виктор подходя к дому, заметил, что Пашка уже ждет его у подъезда, прыгая по почти смытым "классикам" на асфальте. Увидев отца он заулыбался и замахал рукой. Виктор почувствовал, как внутри что-то отпускает и становится хорошо. Пашка побежал к нему на встречу и чуть ли с разбегу не запрыгнул отцу на руки. Они обнялись, Виктор вдохнул запах волос сына. Он пах осенью и чем-то сладким, кажется, конфетами. Он поставил его на асфальт и они договорились о том, что сейчас пойдут в парк. Но в начале Виктору нужно было занести Ольге деньги. Виктор поднялся на лестничную площадку и не успел даже постучаться, как двери перед ним открылись.

— Привет. — улыбнулась Ольга.

— Привет Оль. Вот держи, извини, что задержал. Тяжко сейчас всё идет.

— Всё нормально, главное, что ты помогаешь, не бросил нас.

Виктор протянул пачку денег, но Ольга взяла его за руку и подтянула к себе и крепко обняла.

— После смерти моей мамы, у меня никого не осталось. Мне тяжело иногда бывает. Пашка растёт. А мужчины нет всегда рядом.

— Я понимаю Оль, мы говорили с тобой об этом.

Виктор обнял ей, ему тяжело осознавать, что они разошлись. Не потому, что кто-то плохой, или кто-то что-то натворил. Они просто не сошлись. Но любили они друг друга, очень честно и искренне. Но было тяжело находиться рядом.

— Я буду почаще приезжать. Не переживай. Давай я буду два или три раза в неделю заглядывать.

— Ты бы мне очень сильно помог. Правда. — Ольга внимательно смотрела в глаза Виктора и будто кричала о помощи.

— Я буду стараться быть с вами почаще. Вот, возьми деньги.

— Спасибо, я очень это ценю. Пашка это единственное что у меня есть. — она немного помолчала. — И ты.

— Мы пойдем в парк с Пашкой, ты не хочешь с нами?

— Нет, я хотела, как раз убраться, пока никого нет дома, дома бардак. Можешь захватить мусор?

— Да конечно.

Ольга вынесла из квартиры пакет с мусором и передала его Виктору. Виктор спустился взял Пашку за руку и они пошли к мусорке. Выбросив пакет в мусорный бак они направились

в сторону парка. Пашка много рассказывал ему о боевиках, какие он посмотрел на видике, который Виктор ему подарил на его день рождения. О учебе. О девочке со школы, которая его задирает, но он знает, что она любит его. В парке было пусто и тихо. Деревья стояли голые, и только редкие дубы ещё держали на ветках сухие бурые листья. Они шли по аллее, дальше разговаривали обо всём. Пашка рассказал ему ещё, что на день рождения хочет велосипед. Виктор слушал, кивал, шутил. Ему становилось легче. Он почти забыл о все что с ним происходит последнее время. Почти забыл о провале в памяти. Он так хотел бы влиться в эту жизнь обратно. С сыном и женщиной. Общаться, смотреть вместе фильмы, гулять, вместе делать уроки, ездить по разным паркам Воронежа и жить. Просто жить.

Виктор с сыном гуляли недолго, но и не сказать, что вернулись быстро. Ольга уже к этому времени убралась в квартире, приготовила покушать и сходила в магазин. Ольга встретила мужчин с теплотой и улыбкой. Виктор с сыном разделись и Ольга заставила их быстро помыть руки с мылом. Они мыли руки, плескались и игрались с водой. Ольга позвала Виктора в комнату.

— Вить, помоги мне пожалуйста, достань с антресоли старый чемодан с вещами зимними.

— Без проблем. Дай только стул.

Виктор достал с антресоли чемодан. Чемодан был винтажный, кожаный, с двумя замками по обе стороны ручки. Но не успел слезть со стула, как внутри антресоли он увидел ещё кое-что. И замер. Среди старых вещей, коробки с инструментами лежало аккуратно свёрнутое платье. В горошек. Чемодан выпал из рук Виктора, он оступился и сам упал на пол спиной вниз. Он ударился затылком о пол и лежал пытаясь набрать в легкие воздух. Дыхание было перебито.

На грохот прибежал Пашка, а следом влетела в прихожую и Ольга.

— Витя! Ты меня слышишь? Ты как упал? — Ольга села на колени перед ним. В голосе был испуг, почти паника. — Что случилось то?

— Да всё нормально Оль. Не удержался на стуле. — ответил Виктор не своим голосом, потому что дыхание еще не мог нормально восстановить.

— Ты как? Встанешь? Может воды принести?

— Да нормально, встану.

Виктор перекатился на бок и медленно, опираясь на локти сел на стул. Затылок пульсировал, перед глазамиплыли круги.

— Иди умойся, и пошли покушаем.

— Пап, с тобой всё в порядке? — Спросил Пашка, боявшись спросить что-то лишнее в этот момент.

— Да сын, всё хорошо, я просто споткнулся, упал. Бывает. — Виктор показал улыбкой, что всё хорошо.

— Хорошо. А то я уже испугался пап.

— Всё нормально.

Виктор медленно встал и направился в ванную комнату, чтобы умыться. В голове немного прошла муть, но мысли так и не давали покоя ему. Опять это платье, опять оно тут. Может оно Ольгино? Вот и мерещиться мне всё время. Виктор подумал спросить Ольгу об этом платье, за ужином.

За столом было всё по семейному, как раньше, когда они жили вдвоем. Ольга разлила суп по тарелкам, по середине стола стояла сковородка с жареной картошкой и небольшая тарелка с котлетами, которая была доверху полна. Пашка рассказывал про одноклассника, который принёс в школу живого хомяка и тот сбежал прямо на уроке природоведения. Они искали его всем классом по всей школе, но так и не нашли. Виктор смеялся и кивал, иногда гладил его по голове. Но внутри, в мыслях он был далек от этой семейной посиделки. Он ждал момента,

чтобы спросить у Ольги. Пашка доел и убежал к себе в комнату, а Ольга начала убирать посуду и предложила Виктору выпить кофе. Он согласился и решился задать вопрос.

— Оль, скажи пожалуйста. Там на антресоли, платье увидел. В горошек, оно твоё? — Виктор старался держать голос ровным.

Ольга обернулась на него, в глазах была растерянность. В руке у неё была тарелка, и она медленно её поставила в раковину.

— Какое платье?

— Ну светлое, с узором, в горошек мелкий.

Она вытерла руки полотенцем и вдруг усмехнулась.

— А, да это моё старое платье. Студенческое. Старое совсем. Думала уже выкинуть давно, руки не доходят. А чего оно тебе?

Виктор замолчал и утонул внутрь себя. Сердце перебралось из затылка в виски. Точно не галлюцинации, платье настоящее. И оно его бывшей жены. Оно всегда было тут, в квартире. Он просто не знал о нём. Но вот откуда это же платье взялось на кассете? Может просто совпадение? Мало платьев в горошек? Виктор внутри пытался себя переубедить, что это всего лишь совпадение. Не более.

— Вить, ты точно в порядке? Ты весь чего побледнел.

— Да. Да, нормально. Просто увидел его и вспомнил, ты вроде в нём была, когда мы только познакомились.

Она нахмурилась, но потом кивнула.

— Может, и была. Не помню уже честно.

Ольга поставила на стол кофе, но Виктор спросил покурить, на что получил отказ курить на кухне, и чтобы он шел курить на балкон. Виктор вышел на балкон и закурил. Мысль о кассетах больше не пугала. Она просто сидела внутри, холодная и понятная. Он должен смотреть дальше. Должен понять и найти ответ. Потому что если платье из прошлой жизни его жены каким-то образом попало на плёнку, значит, это не случайность. Значит, кто-то знает о нём больше, чем он сам. И этот кто-то оставил кассеты у его двери не просто так.

Кассета. Глава 8

Когда Виктор вернулся с балкона, Ольга уже убрала со стола, а Пашка смотрел мультфильмы по телевизору. Тарелки на сушке стояли в ряд, сковородка была вымыта и перевернута, а на плите тихо начинал закипать чайник, покрашенный в желтый цвет с нарисованным цветком поверх краски. Ольга сидела за столом, подперев щеку ладонью. Она смотрела в одну точку, без напряжения, просто от усталости. На столе перед ней лежала пачка сигарет, которую Виктор оставил перед уходом на балкон. Она не курила, просто держала её в руках, рассматривала, крутила, будто не знала, что с ней нужно делать.

Виктор медленно подошел к столу, положил пачку в карман.

— Я наверное уже пойду. — сказал он.

Ольга подняла голову и весь свой уставший взгляд переложила на Виктора. В её глазах было что-то, чего он давно в ней не замечал. Это было похоже на тревогу или волнение, которую она сама не знала, как себе объяснить.

— Ты сегодня какой-то странный, — сказала Ольга. — Упал, на балконе стоишь мерзнешь по полчаса. У тебя что-то случилось Вить?

— Да ничего Оль, все нормально, устал немного.

Она ещё раз вернулась взглядом в его глаза, и её взгляд был недоверчивым. Но она не стала продолжать этот разговор дальше. За те годы, что они были вместе и порознь, она научилась считывать моменты, когда Виктора лучше не трогать. Этот момент был, как раз один из них.

Из соседней комнаты выбежал Пашка, он был босой, в пижаме с нарисованными динозаврами. Волосы торчали в разные стороны, щеки розовые, а лицо довольное. Виктор внимательно осмотрел сына, и подумал, что надо подарить ему новую пижаму. Эта уже ему стала мала.

— Пап, ну ты чего? Уже уходишь что ли?

— Да, Пашка. Время позднее, мне и маме завтра на работу, а тебе в школу.

— А ты приедешь ещё в выходные?

— Конечно, я очень постараюсь.

— Пап, а конфеты привезешь? И кассету с новыми фильмами?

— Привезу, привезу! Куда я денусь-то. — Виктор заулыбался.

Пашка обнял отца. Он очень скучал по нему и ему не хватало отцовского внимания. Это даже не про силу и воспитание, а скорее про нежность и трепет, с которым Виктор относился к Паше. Виктор наклонился, обнял сына и вдохнул опять запах волос сына. Этот запах был единственным, что ему сейчас по-настоящему не хватало.

Виктор потрепал Пашку по голове и вышел в прихожую, чтобы начать собираться. Накинул пальто, проверил карманы. Всё вроде бы было на месте, можно было выдвигаться обратно в свою обыденную жизнь. На лестничной клетке было пустынно. Со второго этажа доносилось тихое жужжание лампы. Он развернулся и посмотрел на Ольгу, которая стояла на пороге. Они кивнули друг другу. Их лица оставались спокойными, и она даже чуть приподняла левый уголок губ. Виктор спускался медленно, и каждый его шаг грохотом разносился по всему подъезду. Внутри он вспомнил о том, что когда-то он каждый день поднимался и спускался по этим ступеням. Это было очень давно, когда Пашка был ещё совсем маленьким, а она с Ольгой ещё не были в разводе.

Толкнув рукой дверь, он вышел на улицу и холодный, почти морозный воздух коснулся его лица и немного колот кожу. На ходу он достал из пачки сигарету и закурил. Виктор шагал вдоль домов, одиноких фонарей и машин, которая парковали во дворах на ночь. В эти времена было опасно оставлять машину без сигнализации, потому что можно было остаться без магни-

толы или даже без самой машины. Асфальт переливался от влаги, и в этом блеске было что-то необычное, ненастоящее, как на старой пленке, которую он смотрел совсем недавно. Только тогда все было на экране, а сейчас взаправду. Остановка оказалась безлюдной, и Виктор один ждал автобуса, который довезет его прямо до салона. Синяя краска на металлическом каркасе остановки уже давно облезла оголяя ржавчину. Скамейка внутри была сломана, а мусор лежал кучкой под ней. По дороге мимо проезжают редкие машины, разбрызгивая лужи. В девяносто восьмом в городах машин было не много, и движение на дорогах, даже в час пик, было свободным, не было пробок и суеты. Основная масса их составляла русские ВАЗ и Москвичи, иногда проезжали более дорогие иномарки, которые не так легко было достать среднестатистическому Воронежцу. Издалека Виктор увидел силуэт автобуса, и подошел к бордюру. Начинался очередной дождь.

Автобус подъехал, Виктор зашел внутрь, расплатился и сел на заднем сиденье. Задние сиденья всегда считалось местом хулиганов. Обычно туда садились большой компанией, кто выпивал или ехал на разборки. Виктор видел перед собой весь салон автобуса. Внутри сидела семья из трех человек и одинокий трудяга. Ребенок играл в тетрис, мать с отцом о чем-то громко спорили, но оба улыбались и смеялись. За окном проплывал город. Фонари сменялись витринами магазинов, а витрины на темные дома, из которых иногда виднелся свет. Из-за холодного дождя, окна внутри начали запотевать и огни от фонарей размазывались в желтые расплывчатые пятна. Многоэтажек в городе было не так много, в основном "свечки" двенадцатиэтажные, одноподъездные здания. Но были и шестнадцатиэтажные и девятиэтажные. Но в основном они были в спальных районах, а не в центре, где проезжал Виктор. Центр был набит маленькими домами, не более пяти этажей. Некоторые ещё строились до революции и были восстановлены в пятидесятых после Великой Отечественной войны. Ближе к мосту через водохранилище, многоквартирные дома сменились на частный сектор. По мере приближения автобуса к мосту, частный сектор становился все более ветхим. Дома стояли кособокие с просевшими крышами. Кое-где теплился свет в окнах, но большая часть улиц тонула в ночной темноте. Виктору был знаком этот район, когда-то он снимал здесь комнату у старухи, которая варила самогон и продавала его местным.

Автобус выехал на мостовую, водохранилище лежало внизу. Вода была черная и неподвижная, только капли дождя разбивали это спокойствие. Виктор повернул голову и начал разглядывать водную гладь. Внизу ничего не было, только вода и редкие огни на другом берегу, которые дрожали в далеком отражении. Внутри, что-то пошевелилось, будто то самое чувство, которое он испытывал вчера, вернулось к нему. Сердце начало биться чаще от волнения, которое так же начал испытывать Виктор. Это было необъяснимое чувство, как будто произошло что-то страшное, но он не может этого вспомнить. Ладони стали влажными и он потер их об колени. Он отвернул голову, чтобы не смотреть на воду и уставился прямо перед собой. Глаза бегали, он не мог ни на чем сфокусироваться. Мысли бегали в его голове, пытаясь зацепиться хотя бы за одну. Он закрыл глаза и потер виски ладонями. Он не понимает, почему его так накрывают эти неизвестные и чуждые для него чувства. Потерять отрезок жизни, который возможно дал бы ему ответы на все его вопросы.

Автобус переехал мост, а вместе с ним у Виктора ушли волнующие ощущения. Виктор подошел к выходу и вышел на своей остановке. Двери закрылись, с сопровождающим шипящим звуком за его спиной, автобус зарычал и поехал дальше. Отрожка не отличалась ночью от других районов города, такая же тишина, редкие фонари и старые пошарпанные дома. Он остановился закурить. Спичка вспыхнула, оставив после себя тяжелый запах серы. Он глубоко затянулся и выпустил сигаретный дым над собой. Дождь прекратился, оставляя за собой только грязные лужи на асфальте и запах сырой земли. Где-то неподалеку был слышен звук уходящего товарняка. Виктор сунул в карманы руки и решил пройти до ларька Ашота.

В конце квартала виднелся ларек, и единственный фонарь на всю округу, освещал именно его. В такое время магазинчик Ашота был чуть ли не единственным живым местом в этом районе. Внутри было видно движение. Проходя мимо своего салона, Виктор обратил внимание, что его вывеска совсем потускнела, буквы стали блеклыми, а название не выразительное. Он подумал, что стоит заменить вывеску и заказать у Сереги, у него были знакомые, кто занимался вывесками. Но для начала нужно было переписать кассеты, которые дал ему Сергей, чтобы не оставаться в долгу у него. Ашот сидел внутри своего ларька, поникший, уставившись в одну точку полностью облокотившись на стул. Виктор постучался, Ашот перевел взгляд на него и заулыбался.

— О, Витя! Ты чего так поздно? Я уж думал, ты сегодня не придёшь.

— Да я и не собирался, — Виктор облокотился на прилавок. — Решил, чтобы завтра не переться через весь город, сразу тут переночую, дел завтра много. Дай пачку «Союз Аполлона».

— «Аполлон» брат кончился, — Ашот пожал плечами. — Есть «Прима», есть «Дукат», есть ещё какие-то, щас я посмотрю.

— Да все равно, давай тогда «Приму», по старинке.

Ашот полез под прилавок и долго копошился там. Но потом вылез и протянул Виктору пачку.

— Мне кажется или ты сегодня какой то не такой, — сказал он, прищурившись. — Случилось чего?

— Да все нормально, может немного устал. К сыну ездил, с Ольгой повидался.

— А, это дело нужное. Как там Пашка? Растет? У меня Арменчик уже почти с меня ростом. Растет не по дням, а по часам.

— Растет! Фильмы любит не меньше меня.

— Ты аккуратнее будь, а то будет потом вместо тебя сидеть сутками в подвале.

Они посмеялись. За ларьком проехала машина, осветив фарами мокрый асфальт. Потом снова стало тихо.

— Вить, слышь, — Ашот вдруг оживился, — а ты «Такси» смотрел?

— Я видел, но кассеты у меня нет, а что?

— Слышал, что веселый фильм. Там же про таксиста на белом пежо за которым жан-дармы гоняются?

Виктор усмехнулся.

— Ну типа того. Тебе надо кассету найти?

— Да я вот думал, может есть у тебя.

— Пока нет. Но будет. Я скажу Серёге, он достанет.

— Ой брат, было бы красиво. Как раз с семьей посмотрю.

Мужики увлеклись разговорами о фильмах и Ашот пригласил Виктора внутрь. Ашот вспоминал "Титаник", на который ходил с женой, и уснул на середине фильма. Медленно разговор перетек в быт, в неопределенное будущее, сложности экономики страны и в личные проблемы каждого.

— Вить, ну скажи честно, тебе этот салон приносит хоть что-то?

— Да если бы не приносил, я бы и сигарет у тебя не смог бы купить. Копейку приносит, большую часть я Ольге отдаю. Лучше семье, мне эти деньги не нужны.

— Молодец, Вить! Я не ожидал от тебя такого, честно скажу. А ты не хочешь сегодня посидеть, поболтать? У меня пиво есть, прямо с завода, ребята, которые товар мне возят, сегодня привезли. Вон, смотри стоит, золотистое.

Ашот показал на две трехлитровые банки, которые стояли на полке.

— У меня и тараночка есть. Сейчас, как посидим и от пива на утро болеть не будем. — Ашот заулыбался.

Виктор внимательно посмотрел на раззадоренного Ашота, поднял глаза на банки с пивом и понимал, что отказываться бесполезно. В целом и не хотелось, потому что он мог здесь спокойно поговорить обо всем и не вспоминать то, что происходит в его жизни в данный момент. Впервые за несколько дней ему хотелось простого обычного общения с другом, пива, таранки и разговоров не о чем и обо всем.

— Ну давай попробуем твоего свежего пива. Давно я его не пил. — ответил Виктор. — Но давай только не долго. Не как в прошлый раз.

— Брат, не беспокойся, мы сейчас эти банки уговорим, ты даже не заметишь, как ты уже спишь в салоне.

Ашот опять залез под прилавок и достал оттуда два граненых стакана. Протер их полотенцем, которое висело у него всегда на спинке стула, и с особой гордостью поставил их на прилавок. Он встал, зашел за спину Виктора и достал деревянный короб. Он поставил его вертикально, а сверху постелил квадратную фанерку.

— Вить ну подай банку.

Виктор подал банку Ашоту, тот поддел крышку ножом и в ларьке в ту же секунду запахло свежим пивом.

— Держи, — Ашот протянул ему полный стакан. Пиво было золотистым, с белой пеной, которая медленно оседала по краям.

Виктор взял стакан и сделал глоток холодного пива.

— Хорошее, — сказал он, вытирая пену с верхней губы.

— Ещё бы, свежак!

Ашот раскрыл пакет с таранкой и в ларьке запахло рыбой. Он принялся её разламывать на куски прямо на фанеру.

Разговор продолжился. Ашот рассказал про своего родного брата, который живёт в Армении и держит виноградник. И как он ездил к нему в гости два года назад. Как там было так тепло, что не хотелось возвращаться.

— А здесь что? — Ашот обвёл рукой вокруг. — Холод, грязь, дожди. Но куда мы денемся, прорвемся.

Виктор кивал в ответ. Ему было в тот момент хорошо и спокойно. Пиво расслабило мышцы, притупляя его внутреннюю тревогу. Он смотрел на Ашота, на его оживлённое лицо, на его руки, которыми он размахивал, рассказывая про виноградник, и думал о том, что вот оно, то настоящее, ради чего стоит жить.

Они просидели ещё час, может и больше, пока пиво не кончилось. В ларьке под потолком повис туман от сигаретного дыма. Виктор встал и немного потянулся.

— Спасибо, дорогой за вкусное пиво и приятные разговоры.

— Давай, Вить, тоже надо собираться домой. Забегай так вечером почаще.

— Буду только рад.

Ашот жил неподалеку от ларька, примерно в квартале отсюда. Он жил в небольшом частном доме с большой семьей. С ним жили отец, мать, двое детей, жена, сестра жены. Для такого небольшого дома они уютно расположились. Виктор, как то был у него в гостях, помогал ему с проводкой и настраивал ему телевизор. Его благодарили тогда весь вечер, пили коньяки и вина, стол был накрыт так, как обычно накрывают на Новый год. Приятные люди, а воспоминания о них только самые теплые.

Виктор вышел из ларька и глубоко вдохнул ночной воздух. Легкие наполнились, и он ощутил, как голова стала свежее после душного ларька. Он закурил и медленно направился к своему салону. На небе, где-то между облаками проглядывалась неполная луна и мерцали яркие звезды. Виктор взглянул на них и почувствовал, что камень в груди, который он таскал с собой все эти дни, стал намного легче. Он подошел к салону и затушил сигарету. Взгляд опять поднялся на вывеску "Орион". Виктор убедился, что пора её заменить или как минимум

перекрасить. Но это столько мороки, выводить эти буквы, лучше уже было заказать. Он спустился внутрь, отпер двери и щелкнул свет. Внутри было холодно и беззвучно. Виктор решил сразу навести себе чаю и включить обогреватель, чтобы ночью здесь не замерзнуть. Без задних мыслей он подошел к коробке и достал кассету с цифрой "3". Он крутил её в руках и размышлял, а что если то, что с ним происходит, это и не кассеты вовсе, а просто его депрессия и переутомление от такой жизни. Что если все хорошо, а на кассетах обычный любительский фильм, который его просто испугал. Вдруг создатели это и замыслили. Ведь незря подсунули эти кассеты тому, кто любит кино и придирчив к деталям. Он положил кассету на прилавок и заварил чай. Экран телевизора был пыльный и темный. Магнитофоны молчали. Виктор подумал, что он не готов продолжать это смотреть, тем более опять ночь, в момент когда его психика уязвимее всего. Но днем, он обязательно к ней вернется и посмотрит.

Кассета. Глава 9

Утро для Ольги было с тяжелыми мыслями, она открыла глаза за несколько минут до будильника и лежала, слушая, как в соседней комнате просыпается Пашка. Ночь ещё закрывала большую часть неба, но небольшая полоска света уже пробивалась на горизонте. Всю ночь Ольга не могла уснуть, как будто ей, что-то не давало. Она то ворочалась, то сбивала подушку, то вставала попить воды. Из головы у неё не выходит вчерашнее состояние Виктора, то каким он был. Это был не её бывший муж. Его взгляд и растерянность пугало Ольгу. Он долго стоял на балконе и курил, глядя в пустоту. То, как он замер перед антресолю, увидев её старое платье, и побелел так, будто увидел призрака. "Ты вроде в нём была, когда мы только познакомились". От этих слов у неё ком в горле. Она видела страх в нем, только страх перед чем? Или кем? Что его так испугало? Ольга очень сильно чувствовала его холод где-то под сердцем.

Виктора она знала более чем достаточно, они прожили с ним больше 7 лет перед тем, как развелись. Она могла спокойно отличить его настоящие эмоции от фальши. Так же за время развода она начала хорошо читать его молчание, взгляды и жесты. Он не умел скрывать свои чувства перед ней. Скорее даже наоборот, он был слишком прозрачным для того, кто пытается казаться сильным перед ней. И то его состояние перед антресолю было больше паникой, нежели страхом. Животная и первобытная, которую он пытался спрятать за своей кривой улыбкой и неловкими фразами. Ольга тогда попыталась сделать вид, что поверила ему, но ночью она уже не могла дать объяснение тому, что было на самом деле с Виктором.

Будильник зазвенел, раздаваясь во всех комнатах противным звуком. Ольга выключила его и села на кровати. Она протянула руки к батарее, они были теплыми, но не достаточно горячими. Недавно отключали отопление, была какая-то авария через улицу. И в квартире было прохладно, а батареи были ледяными. Но отопление вроде бы медленно начали возвращать. Она встала, накинула свой халат на ночнушку и прошла на кухню. Поставила чайник на плиту, достала из холодильника батон "К чаю" и небольшой кусок масла. Поставила на плиту кастрюльку, засыпала кашу и поставила варить на медленном огне. Она двигалась машинально, эти движения изо дня в день были выработаны до автоматизма. Ольга уже давно привыкла всё делать сама. Готовить, стирать, проверять уроки, отводить Пашку в школу, забирать, выслушивать и утешать. Бывший муж уже не был помощником в этом доме. Он появлялся раз в месяц, иногда и вовсе пропадал на два месяца и каждый его приезд был похож на короткий глоток воздуха перед тем, как снова нырнуть в одиночество. Но вчера он был, как будто другим. Его обещания приезжать чаще и помогать, заставили Ольгу переживать намного больше, чем его обычное отсутствие.

Чайник закипел, Ольга сняла его с огня и хотела направиться будить сына. Но на столе увидела пачку сигарет, которую вчера забыл Виктор. Она взяла её в руки, повертела, понюхала, запах табака был резким и чужим. Она не курила, но сейчас ей вдруг захотелось попробовать, чтобы понять, что он чувствует, когда стоит на балконе и смотрит в темноту. Она отложила её и пошла будить ребенка. Пашка уже сидел на кровати и рассматривал свою игрушку, которую когда-то ему подарил отец. Это был "Человек-паук", он уже выглядел потертым, где-то слезла краска, а левая рука болталась туда-сюда. Паша увидел мать и заулыбался.

— Доброе утро, Мам! — крикнул Паша.

— Доброе, мой хороший, — улыбнулась Ольга. — пойдем пить чай и завтракать. Нужно уже собираться.

Пашка встал с кровати и побежал к матери.

— Мам, а папа ещё приедет?

— Приедет, он же обещал вчера.

— А когда он приедет?

- Наверное, на выходных. А давай ты ему позвонишь на днях и сам спросишь.
- Хорошо, только я номера не знаю.
- У нас он записан.

Пашка протер глаза по пути на кухню. Волосы у него торчали в разные стороны. Он был в своей любимой пижаме с динозаврами, которую когда-то, так же подарил Виктор. Пашка уселся за стол. Ольга поставила перед ним чай, и батон с маслом. И сняла с плиты кашу.

- Погоди не кушай, в начале каша. — предупредила Ольга.

Она достала одной рукой тарелку с настенной сушилки для посуды, и поставила перед сыном. И положила сыну каши в тарелку.

- Лопай, я сейчас вернусь

Мальчик принялся есть, а Ольга села и смотрела на него и думала о том, что Виктор вчера обнимал сына, как-то иначе. Крепче, чем обычно и дольше, чем нужно. Будто он прощался с ним. Эта мысль немного уколола внутри её, и она отогнала эти мысли. Не нужно придумывать то, чего не было. Человек устал, был трудный день и в целом, просто накатились старые воспоминания. Но голос внутри неё, который никогда её не обманывал, настойчиво шептал, что всё это не просто так. Что с Виктором что-то происходит. Ты она это чувствовала.

Они позавтракали и начали собираться к школе. Ольга проверила дневник, какие сегодня уроки, чтобы Пашка не забыл тетрадки и учебники. Проверила рюкзак и начали одеваться. Пашка оделся быстрее чем обычно, Ольга даже немного не успевала за ним. Она завязала ему шнурки на ботинках и они вышли на лестничную клетку. Они вышли на улицу и Ольга видела, как соседка ведет в школу дочку. А Пашке эта девочка нравилась.

- Марина, привет.
- Здравствуй, Ольга.
- Не забереешь Пашку вместе? А то я немного не успеваю на работу.
- Пашка, пошли. — с улыбкой закричала девочка, которая держала маму за руку.

Пашка отпустил руку мамы, встал перед ней, будто чего то ожидая. Ольга наклонилась, обняла сына и тот пулей побежал к Марине с дочерью.

- Спасибо, Марин.
- Да брось ты, всё хорошо.

Женщины часто помогали друг другу в таких делах, Ольга часто даже забирала дочку Марины из школы, потому что та не успевала. Они были одинокими женщинами без мужей. Но в этот раз Ольге не нужно было, никуда спешить, она просто хотела побыть в тишине несколько минут. Она вернулась в квартиру, взяла пачку сигарет Виктора и пошла на балкон. Она не умела подкуривать и курить в целом. Ольга зажала сигарету в губах с силой, и пыталась подкурить спичками. Первый раз когда спички зашипели она сразу поднесла их к лицу и запах сгоревшей серы ударил ей в нос, от чего она сразу захихала. Со второй попытки она закурила. Она сделала сильную тягу, легкие наполнились дымом и она закашляла. Голова начала кружиться и она тут же выкинула сигарету с балкона. "Фу, как он их курит". Подумала Ольга и спрятала пачку на полке в прихожей.

Ольга хотела найти то платье, о котором говорил вчера Виктор. Она поставила стул и влезла на антресоль. Она достала платье и развернула его. Ткань была старой, выцветшей, но всё ещё крепкой. Ольга поднесла его к лицу и вдохнула запах старого платья. Пахло пылью, временем и ещё чем-то, что она не могла определить. Чем-то похожее на болото или тину. Она убрала обратно платье и слезла со стула. Внутри неё что-то сжалось, она не понимала что это. Но чувствовала, что вчерашний день что-то изменил.

Виктор вышел из своего салона около восьми часов утра. Он не спал почти до самого рассвета, а когда все-таки заснул, то после проснулся разбитым и потрепанным. Кофе и умывание в холодной воде не привело его в чувства. Даже сигарета, которую он выкурил, стоя у открытой двери глядя на пустую улицу, не приносила ему облегчение, как это было раньше.

Он запер дверь салона и пошел пешком через весь район. Идти было не сильно далеко, но ему некуда было торопиться. Ему нужно было проветрить голову, привести её в чувства. Виктор хотел почувствовать под ногами твердую землю и увидеть живых людей, не на экране, а вживую, рядом. Чтобы доказать себе, что мир вокруг него существует. Улица, как и положено ноябрю, встретила его влагой и холодом. Воздух был пропитан мокрым асфальтом и прелой травой. Ашот уже работал в ларьке, принимал товар, который ему привез его двоюродный или троюродный брат на зеленом москвиче. Сам Ашот таскал из машины коробки, а брат стоял рядом и рассказывал ему истории и улыбался. Увидев Виктора, они оба заулыбались и помахали рукой.

— Хей, Витька, брат! Ты чего так рано блудишь по улицам?

— Не спится, что то. Привет!

— Брат, ну ты мне скажи, как тебе пиво? — спросил Арсен, брат Ашота.

— Очень вкусное, мне понравилось.

— А я тебе говорил, что Витьке понравилось, что ты переспрашиваешь по тысячу раз.

Ты мне не доверяешь, что ли Арсен?

— Да, верю-верю. Хотел просто сам убедиться.

— Вить, тут твои сигареты привез Арсен, возьмишь пачку?

— Да, я как раз за ними и хотел к тебе зайти.

Ашот протянул пачку сигарет, а Виктор положил на прилавок деньги. Виктор развернулся, без каких либо слов, пошел дальше. Ашот не стал кричать вслед и допытывать Виктора. Он понимал, что Виктор не из тех, кто любит жаловаться, а в этом состоянии его лучше не стоит трогать, отойдет. Виктор завернул за угол и направился к булочной. Ему хотелось чего-то поесть. Внутри пахло свежим хлебом. Он купил полбуханки черного и пару булочек с повидлом, кивнул продавщице и вышел. На ступеньках он остановился, чтобы закурить и услышал знакомый голос.

— Вить!

Виктор обернулся и увидел перед собой Тамару. Она шла со стороны остановки, в своем неизменном сером пальто и сумочкой через плечо. Волосы торчали из шапки, щеки были красные от утреннего холода. Когда она убедилась, что это он, глаза сразу расширились, а улыбка расплылась по всему лицу. Но улыбка держалась недолго, стоило ей заглянуть ему в глаза.

— Вить, ты опять не спишь ночами. — сказала он утвердительно.

— Да я спал, Тамар. Немного правда.

Тамара покачала головой и взяла его под руку. Она смотрела на него, немного наклонив голову и рассматривала внимательно всё лицо.

— Так, мы сейчас идем пить чай. У меня ещё есть время на завтрак. И не смей спорить! Ты выглядишь так, как будто всю ночь тебя трамваи переезжали.

Виктор даже и не стал возражать. Тамара ему рассказывала разные истории из библиотеки. О том, как завезли новые книги, что какая-то из читательниц потеряла книгу и доказывает ей, что сдавала её. Виктор слушал и кивал, даже иногда в нужных местах. Иногда улыбался, но сам в мыслях он был далеко не здесь. А в своем салоне. В кассетах, с семьей на летней даче, где женщина была одета в платье в горошек, муж недовольный и мальчишка мелькающий на заднем плане. Ему нужно было посмотреть кассету под номером "3". Они зашли в библиотеку. Внутри было тепло и спокойно. Тамара провела Виктора в подсобку, где кастрюлька с погружным водонагревателем. Вода в кастрюле была уже горячее, от нее шел пар, видимо кто-то из коллег Тамары, только недавно подогрел воду. Она скинула с себя одежду и заварила чай в кружкам и достала из ящика печенья.

— Тамар, у меня булочки есть. Я только что купил. Свежие.

— Они с повидлом?

— Угу. — кивнул Виктор.

— Ой, мои любимые прям. — Тамара опять заулыбалась.

Они уселись за кресла и начали пить чай.

— Ну, рассказывай давай, что с тобой опять? — сказала она.

— Все так же, ничего. — сказала Виктор, смотря в кружку.

— Вить, ну я же тебя знаю. Ты уже какую неделю такой? Может пора уже рассказать? Я не отстану пока не расскажешь.

Виктор поднял глаза на Тамару, а в голове проскочили мысли, о том, а почему бы и правда не рассказать о этих видениях, кассетах, то что происходит с ним сейчас. Но он быстро откинул эти мысли, понимая то, что Тамара его будет воспринимать, как сумасшедшего. Или просто на просто не поверит. Решит, что он переутомился, а ещё хуже будет если поверит и тогда этот кошмар ещё перекинется на неё.

— Я устал просто. — сказал он. — Правда много работал. И спал мало. Скоро пройдет.

Тамара вздохнула, но во взгляде Виктора она заметила то, что не замечала в нем никогда. Это был испуг. И она в этот момент сама начала нервничать.

— Скажи мне пожалуйста, может с Ольгой и Пашей, что то не так, и я лезу не в свое дело?

— Нет. Вообще нет. С ними всё хорошо. Я ездил к ним на днях, мы гуляли с Пашкой.

Она ещё раз внимательно посмотрела в глаза Виктора. И решила дальше не давить, но Тамара не верила в усталость и переутомление.

— Ладно, ты извини, что я давя так, меня просто беспокоит твое состояние, а иногда даже пугает.

— Хорошо, Тамара, спасибо тебе.

— Ты знаешь, где меня найти, и знаешь что я с тобой, ты не один. Помни это, пожалуйста.

Она встала и подошла к нему. Тамара прижалась к Виктору и аккуратно погладила его по голове.

После недолгих объятий, они допили чай, попрощались и Виктор направился обратно к салону. По пути обратно, в голове у него крутились слова Тамары. Теплые и тревожные. Она его чувствовала, как никто другой. Он достал сигарету, закурил и направился дальше через район. Тяжелое утро его отпустило, а мысли перестали бить в одну точку. Оказавшись в салоне, он сразу же повернул крутилку на обогревателе на "max", внутри было прохладно. Виктор запереживал, что зимой ему будет здесь холодно, на крайний случай он притащит из дома ещё один обогреватель. Виктор сразу включил плиту и принялся заваривать кофе. Кассета с цифрой "3" лежала на прилавке. Виктор внимательно посмотрел на неё и после посмотрел на окно. Было ещё светло. Он хотел посмотреть её днем, чтобы ночью в случае чего, он не остался один и смог дойти до Ашота или уехать вообще к себе домой. Он подошел и взял её в руки. Он покрутил её в руках и сел в кресло напротив телевизора.

В салоне стояла привычная тишина. Он смотрел на кассету, после на телевизор и на кофе. Он закурил очередную папиросу, встал и вставил её в магнитофон. Техника загудела. Виктор взял пульт и включил телевизор. На экране появилась рябь. Он вернулся в кресло, попивая кофе и куря сигарету, внимательно смотрел, что будет на экране дальше. Помехи сменились четким изображением. На экране появились кадры. Та же самая дача и дом. Но теперь деревья на улице уже были почти голые, а во дворе лежало много листвы. Кадр был с другого ракурса. На пороге дома стояла женщина в платье, а сверху на ней накинута теплый свитер, который застегивается на пуговицы. Она смотрела прямо в объектив, а её лицо было измученным и подавленным. Но она была спокойна, как человек, который давно уже всё для себя решил и ничего не боится. Она медленно спустилась с крыльца и сделала шаг вперед. Камера немного отъехала назад, чтобы женщина была в кадре таких же размеров, как это было до её шагов. Женщина замерла. Она немного опустила голову, но взгляд никуда не уводила, он так же был ровно в камеру.

— Ты же знаешь, что он придёт. — произнесла она тихим, но очень отчетливым голосом.

Она произнесла это так, будто разговаривала не с тем, кто стоял за камерой, а с кем-то, кто будет смотреть эту запись. Кто-то спустя большое количество времени. С тем, кто сейчас сидит в кресле и внимательно смотрит эту запись.

Экран потух. Вернулась обратно рябь. Виктор сидел в кресле и не шевелился. Его будто пронзили кинжалом, от макушки до самых ног. Внутри было ощущение тревоги, смешанное с панической атакой. На момент, в его ушах зазвенело и внешняя тишина сменилась писком. Виски начали барабанить. Он резко отставил кружку и начал немного вертеть головой из стороны, в сторону, чтобы немного прийти в себя. Слова женщины бегали в голове, как заезженная пластинка. Все слова женщины были на своём месте, будто она обращалась именно к нему. Он перемотал кассету и включил заново. Досмотрел до конца. Потом ещё раз. На пятый раз он заметил то, чего не видел раньше. Когда женщина делала шаг вперёд, на заднем плане, в глубине дома, что-то мелькнуло. Какая-то тень или фигура. Та самая, что стояла в дверях на второй кассете и теперь она была внутри.

Он выключил видеомэгнитофон и телевизор. Откинувшись на спинку стула, он сидел и неподвижно смотрел в потолок. После он возвращал взгляд на выключенный телевизор. Виктор закурил и без теплой одежды направился в сторону выхода. Он не понимал, что значат слова женщины. Он понимал, к кому она обращалась. Но он понимал одно, что притворяться он дальше не сможет, что всё в порядке. Кассеты, это послание, и записали их скорее всего, недавно, чтобы выдать запись за старую. По крайней мере он так думал. Это было каким-то посланием. И оно судя по всему, адресовано именно Виктору.

Кассета. Глава 10

Салон молчал.

Виктор сидел в кресле напротив темного экрана и не мог себя заставить пошевелиться. Кофе в кружке давно остыл. В пепельнице остался длинный столбик пепла от потухшей сигареты, которую Виктор даже не заметил. Его мысли ещё были внутри кассеты, внутри того, что он только что посмотрел.

Ты же знаешь, что он придет.

Эти слова были сказаны именно Виктору. Человеку, который сидит в подвале на окраине Воронежа, в ноябре девяносто восьмого года. Который смотрит в пустой экран телевизора, как в открытую дверь.

Спичка не выдержала дрожи его рук и переломилась пополам. Он попытался достать вторую, но из коробки все высыпалось прямо на пол. Подняв с пола одну, он чиркнул ещё раз и подкурил. Дым потянулся к потолку и свился в серые жгуты. В мраке, над телевизором, горел красный индикатор магнитофона. Маленькая статичная точка. Виктор решил встать и выключить видеомангнитофон. Палец завис над кнопкой, но все же он нажал. Тишина внутри салона упёрлась в уши плотнее прежнего. Виктор вернулся за прилавок. Во рту пересохло и стянуло гланды. В чайнике на столе ещё было немного холодной воды. Вода расплескалась по столу, его свитеру и лицу. Руки не могли перестать дрожать. Он выругался шепотом и вытер лицо рукавом.

За окном на улице, поверх шума дождя, что-то звучало. Это было похоже на дыхание. Рваные вдохи и выдохи, как на второй кассете. Было ощущение, что кто-то стоял прямо за стеклом и смотрел на Виктора прямо сквозь грязную витрину. Он резко обернулся. За окном никого не было. Он отошёл от окна, но вместо того чтобы вернуться в кресло, остановился посреди салона и медленно обвёл взглядом помещение. Прилавок, стулья, афиша «Терминатора-2» с загнутым углом, коробки с кассетами на стеллаже, его собственная кружка с отбитой ручкой. Кружка с отбитой ручкой стояла там же, где он её оставил, только смотрела ручкой в другую сторону. Или нет. Он не помнил. Последние дни мелкие, обыденные вещи выпадали из памяти одна за другой: куда положил ключи, на каком моменте остановил запись, звонил ли вчера Лёше или только собирался. Память стала решетом, сквозь которое утекали целые куски дня, и оставались только кассеты. Их он помнил с мучительной, фотографической ясностью.

Пашка. Надо думать о Пашке, заставлял он себя. Виктор обещал приехать, и сын ждёт, пересчитывает дни, а потом перестанет ждать, и это будет хуже всего. Телефон стоял на тумбочке в трёх шагах. Виктор представил себе, как поднимает трубку, набирает номер, слушает гудки, а потом голос Ольги, усталый, осторожный, пытается заговорить с ним, но он не находит ответа. Не потому что ответа нет, а потому что он не знает, с чего начать. С кассет или с женщины в платье, как у неё. С того, что ему уже несколько дней кажется, будто он не один в собственном салоне. Она бы решила, что он пьян или сорвался, и была бы права в каком-то смысле. Он действительно сорвался, только не в запой, а во что-то другое, чему не было названия. Виктор не рискнул подойти к телефону.

Дождь за окном постоянно усиливался, но потом расслаблялся и капли шли ровно, без давления, как дыхание спящего. Капли глухим звуком разбивались о жестяной козырек у входа в салон, а этот звук был очень знакомый, привычный, но сейчас он казался чужим и будто доносился не с улицы, а из глубины самого здания. Виктор поднял голову и посмотрел на коробку с кассетами, прикрытую старой газетой. Внутри ещё три штуки. Он понимал, что посмотрит каждую из них досконально. Остановиться он уже не мог, потому что внутри образовалась пустота, которую заполняли кадры с этих пленок. А быт, семья и друзья — всё это стало таким

далеким, будто он смотрел на свою жизнь сквозь толстое мутное стекло, и с каждым днем оно становилось всё толще и толще.

Привычная тишина салона убаюкивала его, а мерные удары капель подсобки только усиливали этот эффект. Он сел на край дивана, а после и вовсе лег, натянул до подбородка плед и закрыл глаза. Он даже не думал раздеться, только лишь носками поддел ботинки и сбросил их на пол. Плед уже давно провонял табаком и пропах насквозь пылью, он напомнил ему о том, как давно он его не стирал, хоть этот запах и казался ему уютным. Мысли растянулись и замедлились, стали неповоротливыми. Последнее о чем он подумал, перед тем как уснуть, это лицо сына, живое, в пижаме с динозаврами и голос который спрашивал его, когда отец ещё к нему вернется.

В помещении было холодно. Виктор проснулся от того, что просто не мог согреться, хотя накинул на себя даже второй плед посреди ночи. Обогреватель не работал, хотя был включён. Наверное опять скакнуло напряжение. Воздух в салоне был спертый и влажный, запах напоминал улицу. Он спустил ноги на пол и просто сидел несколько минут, приходя в себя. Ботинки валялись у дивана. Один лежал носком вверх, другой на боку. Виктор пытался вспомнить, когда он их снимал, и снимал ли он их вовсе или сбросил их уже во сне. Но память не ответила ему на этот вопрос. Пальцы потянулись к нагрудному карману за сигаретами, но пачка оказалась пустой. Он смял её и бросил в ведро под столом. Теперь нужно было идти к Ашоту.

Умываться он не очень хотел, но знал, что холодная вода немного его взбодрит и отрезвит. Он долго тер ладонями лицо, пытаясь размять отеки вокруг глаз. Виктор поднял голову и увидел свое мутное отражение. Лицо было таким же уставшим, темные пятна под глазами и впавшие щеки. В голове пробежала мысль о том, что такое лицо обычно у тех кто много пьет, торчит на веществах или мало спит. Но первые два пункта он сразу же выкинул из головы. Но сон же иногда бывает полноценным, успокаивал он себя. Наверное это было, что-то другое.

Клиенты пошли с самого утра. В салон зашла Валентина и вернула кассеты которые давал ей Виктор на прокат. Она долго его благодарила и хотела даже заплатить. Но Виктор настоял на своем и не взял с неё ни копейки. Он понимал её положение, даже наоборот показал ей другие кассеты бесплатно, но та не приняла его предложение. Они мило попрощались и Валентина сменилась новым клиентом. Зашел большой парень в кожаной куртке, на голове бандана, а на джинсах цепи. Они вежливо начали разговор, в котором парень подsunул Виктору журнал о кино, чтобы тот ознакомился с ним. Парня звали Максим. Максим попросил новую кассету "Брат", но Виктор его попросил подождать около часа, пока кассета переписется, потому что у него оставался лишь единственный экземпляр. Он поставил кассету на перезапись, и они вместе с парнем, которого звали Максим, направились до ларька Ашота, за сигаретами.

Ближе к полудню, когда он переписал уже «Брата», зазвонил телефон. Виктор вздрогнул. Он хотел взять трубку сразу, но дал отзвенеть телефону несколько раз, прежде чем поднять трубку.

— Да, слушаю.

— Виктор Сергеевич? Это АСТ-четыре. Проверка линии.

Голос был уже знакомым Виктору. Женщина звонит ему слишком часто в последнее время, что стало его сильно настораживать.

— Так вы же звонили, буквально пару дней назад. Проверяли уже.

В трубке промолчали и пауза затянулась. Виктор насторожился, и когда он хотел уже спросить, там ли его собеседница, голос продолжил:

— В нашем журнале только вот заявка на сегодняшний день, никаких заявок до этого не было.

Виктор занервничал, переложил трубку в другую руку. Ладони вспотели.

— Вы что-то путаете. Мне звонили, дважды. Женщина, вроде вас, спрашивала про помехи, про посторонние шумы.

Снова пауза, но на этот раз короче.

— Виктор Сергеевич, я работаю на этом узле уже много лет. И я вам точно не звонила.

В трубке что-то отщелкнуло, зашипело и пошли короткие гудки. Виктор ещё не сколько секунд смотрел на телефон и держал трубку у уха. После медленно вернул её на рычаг. Пальцы дрожали. Он вспоминал первый разговор. Голос был похожим, но сейчас он не мог уже сказать с уверенностью, был ли этот голос тем же. Память не давала ему полной картины, подсовывала лишь обрывки, которые не складывались в одно целое.

Виктор ещё немного постоял у тумбочки с телефоном, будто бы ждал, что телефон может позвонить снова. Он потер лицо ладонями и заставил себя отойти от телефона, ему нужно было чем-то занять свои руки. Выбросить из головы эти разговоры, голоса, ощущения. Реальность последних дней стала картонным домиком, который вот-вот готов рассыпаться от любого дуновения. Он решил выйти и подышать воздухом, а заодно и проветрить салон. Он открыл окна и накинул пальто. Выйдя на улицу, он задрал голову вверх и закрыл глаза. Он дышал через нос и выдыхал через рот, так он давал себе секунды спокойствия и уединения. Он достал пачку сигарет и закурил. Но когда клал пачку в карман, он пальцем задел смятый клочок бумаги. Виктор вытащил его. "Кривая д. 14. 12 декабря 1991" написанное, как будто его почерком. Бумага была желтоватая, похожая на лист из его тетради с "бухгалтерией".

Он замер. Дождь все так же не стихал, но звук стал немного приглушенным. В голове начал бить четкий ритм пульса. Он уже и забыл откуда эта бумажка оказалась у него в кармане. Не помнит, кто её положил или написал и когда. Он помнит, что её доставал, помнит дату и улицу, но что это могло значить. Виктор вернулся обратно в салон. Внутри уже было холодно, он запер окно и снял с себя пальто. Бумажку из рук он не убирал. Он сел на кресло и закурил снова. Он крутил кусок бумаги и задумался, а не съездить ли ему по адресу. Может это и есть та самая улица с домом, которая ему нужна. Место, где все, возможно, начиналось или закончилось.

Внутри наступило непонятное спокойствие. Оно было неестественным, как будто ещё не конец. Когда ты долго мучаешься от неизвестности, а потом понимаешь, что выбора у тебя нет. Точнее, выбор был, но он его уже давно сделал. В тот момент, когда он поднял коробку с кассетами с коврика у двери.

Виктор осознавал, что ему нужно ехать, нужно что-то решать, потому что так он уже не мог, сидеть в подвале и ждать. Ждать пока чужая жизнь окончательно захватит его собственную. Он докурил сигарету, окурочек придавил об пепельницу. Остаток дыма ещё поднимался вверх, пока сигарета не потухла окончательно. Виктор решил, что сегодня он туда отправится, несмотря на поздний час. Он достал карту города, которая лежала между кассетами, свернул её и положил в карман пальто. Он накинул пальто и вышел на улицу, не закрывая дверь на второй оборот.

Ледяной дождь ударял по лицу. Ашот, увидев Виктора из своего ларька, приветственно махнул рукой и что-то крикнул. Виктору показалось что-то вроде приглашения зайти к нему. Он коротко кивнул в ответ и, не останавливаясь, продолжил идти к трамвайной остановке. Ночной трамвай оказался почти пустым, он дребезжал на стыках рельсов, раскачивался, а внутри пахло мокрой одеждой и дешёвым табаком. Виктор сел у окна, прижался лбом к холодному стеклу и смотрел, как за окном проплывает ночной Воронеж. Где-то в глубине салона качался пьяный мужик, привалившись головой к поручню. На заднем сиденье молодая женщина укачивала ребёнка. Никто не смотрел на Виктора, никому не было до него дела.

Трамвай остановился на конечной, внутри уже никого не было, и Виктор сошел с него. Дождь, словно уставший актер, покинул на время сцену, оставив после себя лишь влажный блеск на асфальте и притихшие кроны деревьев. Виктор, стоя на конечной под светом, достал карту и внимательно осмотрелся вокруг, чтобы понять в какой точке он находится. Он поводил пальцем по старой бумаге и нашел свой пункт назначения.

— улица Кривая, дом четырнадцать, — произнес он вслух.

Впереди его встретили только тишина и полная темнота. Ни одного фонаря и живого человека. Только немного покосившиеся заборы и разбитая дорога, которая в темноте казалась непреодолимым препятствием. Виктор шел и останавливался у каждого дома, пытаясь рассмотреть каждую табличку с номером дома. Проходя каждый дом, сердце набирало темп, а в голове стал какой-то непонятный гул, будто внутри включился старый холодильник "Минск". Через улицу, где-то за пустырем, залаяла собака и резко замолчала, будто её оборвали на полуслове. Виктор несколько раз споткнулся и наступил в лужу, ботинки уже были насквозь промокшие. Холод начал немного дергать тело.

Дом четырнадцать стоял почти в конце улицы, там, где заканчивались дома и начинался пустырь. Дом был брошен. Окна местами побитые, крыльцо просело, дверь была на большом амбарном замке. Он отпер калитку и зашел во двор. Во дворе, среди мусора и желтой травы, валялся сгнивший детский стульчик. Виктор внимательно осмотрел его. В голове всплыл кадр из второй кассеты, где мальчик сидит за столом и смотрит прямо в камеру, именно на этом стуле.

Внутри дома он не стал заходить, ему хватало того, что он видит во дворе. Он просто стоял и смотрел на дом. А внутри что-то медленно, неотвратно переворачивалось. Виктор решился и ступил на крыльцо. Сырой запах плесени и сладкий запах старого клея обоев резануло по носу. Виктор не захотел идти дальше. Ему пришло на ум, что это разгадка, а это просто место, где всё снимали, декорации, не более. Это скорее начало. Теперь он точно осознавал, что всё, что было на кассетах происходило именно тут. И он был здесь. Но сути он ещё не осознавал, ведь посмотрел он только половину.

Обратный путь для него был как мгновение, и даже не отложился в памяти. Трамвай, остановка, короткая перебежка под дождём до салона. Внутри было тепло, он скинул с себя мокрые вещи, а ботинки поставил возле обогревателя. А сам накинуд на ноги тапочки, в которых он ходил летом по салону. И включил на электрической плите чайник. Спать ему не хотелось, так же как и думать. Он подошел к столу и достал из коробки четвертую кассету. Дождавшись кипяченой воды он навел себе в кружку кофе и уселся с ней в кресло. Кассета лежала перед ним и смотрела прямо на него, своими двумя белыми катушками. Он оттолкнул её, будто показал ей, что не желает сегодня её смотреть. Он посмотрит её завтра. А сегодня нужно было просто прожить до утра. Виктор упал на кровать и набросил на себя плед. Тело наконец получило то, чего требовало последние несколько часов, таскаясь по холодным улицам города. Вынужденный покой. Мышцы, сведенные от озноба и напряжения, медленно отпустило, наполняя тело легкостью и умиротворением. Перед внутренним взором всё ещё стоял мёртвый дом на Кривой. Образ в мыслях тускнел, немного расплывался и терял резкость, как отражение в темной воде, когда бросаешь камень и круги расходятся всё шире, стирая детали. Мысли замедлились, стали тягучими. Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.